
Юрий Адаменко
Фея-крёстная
на испытательном сроке
Золушка
подаёт на развод

Юрий Адаменко

Золушка подаёт на развод

«Автор»
2026

Адаменко Ю.

Золушка подаёт на развод / Ю. Адаменко — «Автор», 2026

Маргарита Ланская — лучший адвокат по разводам в городе. Она делит фикусы, котов и ипотеки, получает статуэтки «Юрист года» и давно не верит в любовь. Но однажды в три часа ночи она в сердцах говорит: «Хоть бы у кого-нибудь всё закончилось хорошо», — и просыпается в розовом облаке, с волшебной палочкой в руке и трудовым договором Совета Фей на тумбочке.Теперь она — фея-крёстная на испытательном сроке. Десять подопечных, десять счастливых концовок. Справится — получит одно желание. Провалится — останется феей навсегда. Куратор, холодный и до неприличия красивый Элиан Морвей, уверен, что она провалится. Палочка в стрессе превращает всё в тыквы. Кофе в Сказочных Королевствах не растёт.А первая подопечная — сама Золушка. Через десять лет после бала. И она хочет развода.Лёгкая ироничная романтическая история о том, что счастье не наколдуешь — его выбирают. Иногда — с помощью брачного договора.

© Адаменко Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хоть бы у кого-нибудь 5
Глава 2. Трудовой договор мелким шрифтом 15
Глава 3. Первый вызов 25
Глава 4. Сбор доказательств 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Юрий Адаменко
Золушка подаёт на развод

Глава 1. Хоть бы у кого-нибудь

§ 1. Крёстной может стать лишь та, что искренне желает чужого счастья. Пометка на полях: «Искренне? В три часа ночи? Ну-ну».

* * *

Фикус звали Эдуард.

Маргарита Ланская узнала об этом на шестом часу переговоров, когда Инна Сомова, сорок один год, главный бухгалтер, мать двоих детей и, по её собственным словам, «женщина, которая отдала этому человеку лучшие годы», вдруг всхлипнула и сказала:

— Эдика я ему не отдам.

Марго подняла глаза от бумаг. Эдиками в деле Сомовых никто не значился. Ни дети, ни родственники, ни, слава богу, любовники. Дети были Соня и Тимофей, родственников делили ещё в обед, а любовников, к общему облегчению, не нашлось ни у одной из сторон.

— Простите, — сказала Марго тем голосом, которым обычно говорила «прошу занести в протокол». — Кого?

— Эдуарда, — подсказал с другого конца стола Аркадий Сомов. Он был крупный, лысеющий, в свитере с оленями, и всё это время сидел с видом человека, который пришёл на собственные похороны и обнаружил, что гроб ему мал. — Фикус. Он у нас в гостиной стоит. Стоял.

— Стоит! — Инна выпрямилась. — Он стоит, Аркаша, в отличие от некоторых!

Геннадий Павлович, адвокат Аркадия, человек в возрасте и в жилетке, тихо застонал и потянулся за водой. Марго мысленно поставила галочку: противная сторона устала. Это было хорошо. Плохо было то, что устала и она сама, а впереди, судя по фикусу, ждал ещё кот.

Переговорная на двенадцатом этаже давно перестала быть переговорной и стала полем боя после боя. На столе лежали кольцами провода от зарядок, стояли пять чашек остывшего кофе (четыре — Марго), коробка печенья, которое никто не ел из принципа, и стопка соглашения в трёх версиях: «первая», «финальная» и «окончательно финальная, Инна, клянусь». За окном горел вечерний город. Марго смотрела на него краем глаза, как смотрят на чужой праздник.

— Хорошо, — сказала она и сделала пометку. — Эдуард. Фикус. Какие у вас основания?

— Я его поливаю, — сказала Инна.

— Я его купил, — сказал Аркадий.

— Ты его купил, потому что я сказала, что в квартире нечем дышать!

— А ты сказала, что нечем дышать, потому что в квартире был я!

Геннадий Павлович снова застонал. Марго отложила ручку и сложила пальцы домиком — жест, который она когда-то подсмотрела у пожилой судьи и с тех пор использовала, когда надо было остановить летящую посуду, не вставая со стула.

— Давайте так, — сказала она. — Эдуард остаётся с тем, кто остаётся в квартире. Квартира, по нашему пункту шесть, остаётся Инне Викторовне до совершеннолетия Тимофея. Значит, и Эдуард остаётся там же. Аркадий Борисович получает право посещения.

— Посещения фикуса? — уточнил Геннадий Павлович очень тихо, как человек, которому за тридцать лет практики довелось увидеть многое, но не всё.

— Посещения фикуса, — подтвердила Марго. — По выходным. Можно с удобрениями.

Аркадий подумал и кивнул. Инна подумала и кивнула тоже. Марго записала. Если бы кто-то спросил её, зачем взрослые люди в половине десятого вечера делят растение, она бы

честно ответила: потому что делить растение проще, чем признать, что делить на самом деле нечего. Всё уже поделено. Давно. Без адвокатов, на кухне, вечерами, по одной фразе.

Но её никто не спрашивал. Её наняли, чтобы она выиграла. Она выигрывала.

— Теперь Бублик, — сказала Марго.

Инна вздрогнула. Аркадий побледнел. Геннадий Павлович вдохнул так, будто собирался нырнуть.

Бублик был кот. Рыжий, наглый, девяти лет, с порванным ухом и, судя по фотографиям в деле, с полным отсутствием уважения к институту брака. На одном снимке он спал на Аркадии, на другом — на Инне, а на третьем на их свадебном альбоме, с выражением морды, которое трудно было истолковать иначе как «я всё про вас знаю».

— Бублик мой, — сказали Сомовы одновременно.

И посмотрели друг на друга. Марго видела это сотни раз и каждый раз узнавала: удивление. Будто два человека вдруг обнаружили, что у них ещё есть что-то общее, и испугались этого больше, чем раздела ипотеки.

Это длилось секунду. Потом Инна сказала: «Ты его даже не кормишь», Аркадий сказал: «Зато он спит со мной», Инна сказала: «Он спит с тобой, потому что ты храпишь и он думает, что ты тоже кот», и всё вернулось на свои места.

Кота поделили к одиннадцати. Неделю у мамы, неделю у папы, ветеринар пополам, лоток по месту пребывания. Ипотеку — к без четверти двенадцать, и это, как ни странно, оказалось проще всего: цифры не плачут и не спят на людях. Марго подписала последнюю страницу, собрала свои три версии в одну папку и встала.

— Поздравляю, — сказала она. — Вы разведены. Почти. Остался суд, но это формальность.

Инна вдруг расплакалась. Не так, как плакала весь вечер, — зло, на публику, с обвинениями, — а тихо, по-детски, прижав ладонь ко рту. Аркадий неловко протянул ей платок. Она взяла. Не сказала спасибо. Но взяла.

Марго отвернулась к окну. Это была та часть работы, которую она не любила больше всего и которую никогда никому не описывала. Не скандалы, не крики, не фикусы. А вот это: минута после подписи, когда два человека вдруг понимают, что всё. Что двадцать лет, свадебный альбом, рыжий кот и ночные разговоры на кухне теперь лежат в её папке, разложенные по пунктам. Шесть страниц. Две подписи. Печать.

— Маргарита Сергеевна, — сказал Геннадий Павлович, пожимая ей руку в дверях. Рука у него была сухая и тёплая, как у дедушки. — Вы страшная женщина. Я вас уважаю.

— Спасибо, Геннадий Павлович.

— Это не комплимент.

— Я знаю, — сказала Марго. — Поэтому и спасибо.

Он засмеялся и ушёл, шаркая. Марго осталась одна в переговорной. Она сняла туфли — любимые, чёрные, на шпильке, которые жали с самого утра и которые она не снимала из принципа, потому что адвокат в тапочках не выигрывает дел о фикусах, — и с наслаждением поставила ноги на холодный пол.

На столе остались пять чашек. Четыре — её. Она заглянула в каждую. Пусто. В пятой, чужой, оставался глоток. Марго подумала и не стала.

Даже у неё были принципы.

В коридоре гудел пылесос. Тётя Зина, которая убирала их этаж, сколько Марго себя здесь помнила, — маленькая, круглая, в синем халате и с перманентом цвета баклажана — водила щёткой по ковру и пела себе под нос что-то из Пугачёвой. Увидев Марго босиком и с туфлями в руке, она выключила пылесос и всплеснула руками.

— Маргарита Сергеевна! Опять до ночи! Вы ж так сгорите, как свечка.

— Свечки, тётя Зина, горят ради дела, — сказала Марго и прислонилась к стене. Ноги гудели.

— Дело! — фыркнула тётя Зина. — Видала я ваших. Мимо меня шли. Он красный, она зарёванная. Опять кого-то развели?

— Развела.

— Эх. — Тётя Зина покачала баклажановой головой. — А я своего, между прочим, сорок один год терплю. В субботу юбилей. Гостей позвали, холодец варю.

— Сорок один год, — повторила Марго. Цифра прозвучала, как срок за особо тяжкое. — И как?

— Да как. Ругаемся каждый день, — охотно сообщила тётя Зина. — Он мне: «Зинка, опять соль пересыпала». Я ему: «А ты носки опять под диван». Он мне: «Зинка, ты чего такая злая». Я ему: «А ты чего такой старый». — Она засмеялась, показав золотой зуб. — А вечером сядем, сериал включим, он мне ноги на колени положит, я ему спину почешу. Вот и вся любовь.

Марго смотрела на неё и не знала, что сказать. Это было впервые за день, а может, и за неделю.

— Ноги на колени, — сказала она наконец.

— Ну а куда ж ещё, — удивилась тётя Зина. — У него ж варикоз. — И включила пылесос, будто поставила точку.

Марго пошла к лифту, держа туфли за ремешки. В зеркальной стене лифта отразилась женщина в дорогом костюме, босая, с растрёпанной причёской и выражением лица, которое она сама определила бы как «ответчик, проигравший по всем пунктам». Почему проигравший, она не знала. Дело ведь было выиграно. Фикус, кот, ипотека. Всё по пунктам.

Лифт поехал вниз. Пылесос тёти Зины гудел наверху, как далёкий счастливый шмель.

* * *

Такси пахло ёлочкой и чужим одеколоном. Водитель, пожилой, усатый, слушал по радио что-то про погоду на выходные и время от времени соглашался с ведущим вслух.

— Дождь, — сообщил он Марго в зеркало, как личную новость. — Опять дождь. Всю неделю.

— Хорошо, — сказала Марго.

Водитель посмотрел на неё с подозрением. Она не стала объяснять, что ей было всё равно: в её жизни на этой неделе не было ничего, для чего мог понадобиться сухой асфальт. Работа, суд, работа, ещё один суд в пятницу и встреча с новой клиенткой, которая по телефону сказала: «Мне нужна самая злая адвокатша в городе». Марго тогда ответила: «Вы по адресу», — и записала её на одиннадцать.

Телефон в сумке завибрировал. Марго достала его, заранее зная, кто это. В одиннадцать сорок вечера ей писали три категории людей: клиенты, бывший, от которого она давно заблокировалась, и Вера.

«Ты жива?» — писала Вера.

«Местами», — ответила Марго.

«Где ты?»

«Еду домой. Развела Сомовых».

«Это которые с фикусом?»

Марго улыбнулась. Вера помнила все её дела, хотя Марго почти никогда не называла фамилий. Вера вообще помнила всё: дни рождения, имена котов, кто с кем поссорился в седьмом классе и почему, какие пирожные Марго любит, а какие ест из вежливости. Они дружили с первого курса. Двадцать лет и два месяца. Марго иногда думала, что это самые долгие отношения в её жизни, и что если когда-нибудь Вера подаст на развод, она проиграет дело.

«Фикуса зовут Эдуард», — написала Марго.

«ГОСПОДИ».

«Ага».

«Слушай. Приходи в субботу. Испеку пирог. С вишней. Ты сто лет не была».

Марго посмотрела на экран. Пирог с вишней. Верина кухня с жёлтыми занавесками, Верин кот Сократ, который садится только на тех, кто его боится, и Верин чай в огромных кружках с отбитыми ручками, потому что «целые скучно». Последний раз Марго была там… она прикинула. В феврале. А сейчас был октябрь.

«Приду», — написала она.

И знала, что не придёт. В субботу у неё будет документ для пятничного суда, потом звонок клиентке, потом ещё одно соглашение, потом она уснёт на диване с ноутбуком на коленях, а в воскресенье вечером напишет Вере: «Прости, завал». И Вера ответит: «Ничего. В следующий раз», — без единой обиды, потому что Вера всегда отвечала без обиды, и от этого было ещё хуже.

«Ура!» — написала Вера и прислала смайлик с пирогом.

Марго убрала телефон и стала смотреть в окно. Город проплывал мимо мокрыми огнями. Остановка, на которой она двадцать лет назад ждала трамвай, чтобы ехать на первый курс. Кафе, где она однажды сидела до утра с Костей и думала, что вот оно, наконец-то. Здание суда, где она выиграла своё первое дело и вышла на крыльцо с ощущением, что весь мир можно переспорить. Мимо всего этого такси ехало быстро и равнодушно, как время.

— Здесь, — сказала она. — У булочной.

— Так закрыто, — удивился водитель.

— Я знаю.

Она вышла под мелкий дождь. Булочная на углу её дома была закрыта с девяти, витрина тёмная, на двери табличка «Свежий хлеб с 7:00». Но даже сейчас, ночью, сквозь дождь, отсюда пахло хлебом. Тёплым, чуть сладким, с корочкой. Этот запах въелся в стены, в асфальт, в сам угол улицы — и встречал Марго каждый вечер, когда она возвращалась домой.

Она постояла под козырьком. Без всякой причины. Просто постояла и подышала.

Когда-то, давно, в другой жизни, она бегала сюда по утрам. Покупала два круассана: себе и тому, кто ещё спал. Потом один. Потом перестала бегать, потому что зачем — на работе есть кофе, а завтрак — это для тех, у кого есть время. Продавщица, полная рыжая Людмила, до сих пор иногда махала ей через стекло, когда Марго проходила мимо в восемь утра, уже на каблуках, уже с портфелем, уже злая.

Марго вздохнула и пошла домой.

В подъезде пахло жареной картошкой и чьими-то духами. Лифт, как обычно, не работал — он не работал по средам, пятницам и в любой день, когда Марго особенно хотелось, чтобы он работал. Она поднялась на четвёртый этаж пешком, с туфлями в руке, и на площадке третьего столкнулась с Маркизом.

Маркиз был котом Анны Марковны из сорок второй квартиры. Огромный, дымчато-серый, с белой манишкой и выражением морды, как у председателя суда, которому принесли неправильно оформленный иск. Он сидел на подоконнике подъезда и смотрел на Марго свысока, хотя сидел ниже.

— Добрый вечер, — сказала ему Марго.

Маркиз медленно моргнул. Это означало: «Возможно».

Дверь сорок второй приоткрылась, и оттуда выглянула сама Анна Марковна — в бигуди, в халате с павлинами и с очками на цепочке.

— Маргариточка! — сказала она таким тоном, будто Марго была её внучкой, вернувшейся с войны. — Что ж вы так поздно? Опять одна?

— Опять работа, Анна Марковна.

— Работа, — повторила Анна Марковна с бесконечной печалью. Она произносила это слово так, как другие произносят «ревматизм». — Вам, Маргариточка, замуж надо. Я вам сколько говорю. У меня племянник. Стоматолог. Не пьёт.

— Спасибо, Анна Марковна, я подумаю.

— Вы три года думаете!

— Я тщательно думаю, — сказала Марго. — Это профессиональное.

Анна Марковна махнула рукой, но не обиделась: этот разговор повторялся раз в неделю и, кажется, доставлял ей огромное удовольствие. Она позвала Маркиза. Маркиз не пошёл. Он продолжал смотреть на Марго, и в его жёлтых глазах было что-то такое, отчего Марго на секунду стало неловко. Будто кот знал о ней что-то, чего она сама о себе не знала.

— Он к вам неравнодушен, — сообщила Анна Марковна. — Он ни к кому так не садится. Только к вам. Это знак, Маргариточка.

— Знак чего?

— Не знаю, — честно сказала Анна Марковна. — Но знак.

Дверь закрылась. Маркиз ещё немного посидел, потом спрыгнул с подоконника, потёрся о ноги Марго — один раз, быстро, будто подписал документ, — и величественно удалился в сорок вторую через приоткрытую щель.

Марго поднялась к себе.

Квартира встретила её тишиной. Это была хорошая квартира: светлая, двухкомнатная, с высокими потолками и большим окном на улицу, купленная ею самой, без чьей-либо помощи и без ипотеки, в которой, по меткому выражению Веры, «можно снимать рекламу одиночества». Марго тогда обиделась. Потом подумала и согласилась.

Белые стены. Серый диван. Плед, который мама подарила на тридцатилетие, — мягкий, клетчатый, единственная тёплая вещь в комнате. Полки с книгами, которые она когда-то читала и собиралась перечитать. Кофемашина на кухне, огромная, блестящая, итальянская — единственное, что осталось ей от Кости, потому что при расставании она сказала: «Забирай что хочешь. Но кофемашина моя», — и он, умный человек, спорить не стал.

Марго включила свет на кухне, поставила чайник — кофе в полночь даже она себе не позволяла, это было бы уже не профессионализмом, а диагнозом, — и пошла переодеваться. Скинула пиджак, блузку, юбку, натянула старую футболку с надписью «Lawyer up» — подарок коллег на день рождения, они считали это смешным. Распустила волосы. Посмотрела в зеркало в прихожей.

Из зеркала на неё смотрела женщина тридцати двух лет, красивая, если не придираться, с усталыми серыми глазами и упрямым ртом. Женщина, которая только что развела двух людей, разделила между ними фикус и кота и получила за это комплимент «страшная».

— Ну и рожа, — сказала ей Марго.

Женщина в зеркале не возразила.

Чайник щёлкнул. Марго заварила чай, крепкий, чёрный, с бергамотом, и забрала кружку в комнату. Кружка была её любимая: большая, белая, с тонкой золотой каёмкой по краю, которую она когда-то купила на блошином рынке за смешные деньги. Продавщица, сухонькая старушка в шляпке с вуалеткой, отдавая кружку, сказала: «Пейте из неё только хорошее, деточка». Марго тогда посмеялась. Но с тех пор почему-то и правда наливала в неё только то, что любила.

Она забралась на диван, накрылась пледом, открыла ноутбук.

Чай остался стоять на подоконнике.

* * *

В час ночи Марго закончила с документом для пятничного суда.

В половине второго ответила на письмо клиентки, которая хотела знать, может ли она отсудить у мужа собаку, если собака «эмоционально её». Марго ответила, что может попробовать, но собака в суде не даст показаний.

В два разобрала почту.

Почта у неё была особая. Она давно перестала её читать — в смысле «читать по-настоящему». Она её сортировала. «Срочно». «Не срочно». «Это не ко мне». И отдельная папка, которую она про себя называла «Как всё начиналось» и в которую никогда не заглядывала дважды.

В эту папку попадали письма от новых клиентов. Первое письмо. То, с которого начиналось дело.

Все они были похожи. Марго могла бы написать их сама, не глядя. «Здравствуйте, мне вас порекомендовали». «Я не знаю, с чего начать». «Мы были так счастливы». Вот это — обязательно. Почти в каждом. «Мы были так счастливы на свадьбе». «У нас было всё». «Я до сих пор не понимаю, когда всё сломалось». Иногда к письму прикладывали фотографию — зачем, Марго так и не поняла, — и на фотографии всегда была одна и та же картинка: двое, белое платье, цветы, смеются. И подпись: «Это мы. Девять лет назад».

Марго посмотрела на очередную такую фотографию и закрыла письмо.

Потом открыла снова.

На фотографии двое стояли на ступеньках загса. Она — в простом платье, без фаты, с букетом ромашек. Он — в сером костюме, который явно был ему великоват, с очень серьёзным лицом и очень счастливыми глазами. Она смеялась, запрокинув голову. Он смотрел не в камеру, а на неё.

Марго смотрела на них долго.

Она вдруг попыталась вспомнить, когда в последний раз видела хороший конец. Не начало — начал она видела тысячи, все эти ромашки и серые костюмы. А конец. Чтобы двое прожили вместе долго, не возненавидели друг друга, не делили фикус и не плакали в переговорной в половине двенадцатого. Чтобы кто-то из её клиентов однажды написал: «Маргарита Сергеевна, спасибо, но нам не понадобилось».

Ни разу. За девять лет практики — ни разу.

У родителей? Они развелись, когда ей было двенадцать, тихо, интеллигентно, без скандалов, и именно это было самым страшным. У Веры? Вера была замужем дважды и оба раза говорила: «Ну, зато было весело». У самой Марго?

Тут Марго усмехнулась и откинулась на подушку.

У самой Марго был Костя. Три года. Хорошие три года, если честно, — она умела быть честной, даже когда это было неприятно. Он смешил её, варил суп по воскресеньям и читал вслух, когда она болела. А потом однажды за ужином сказал: «Марго, ты со мной как на переговорах». И она, вместо того чтобы спросить, что он имеет в виду, ответила: «Сформулируй конкретнее». И он ушёл.

С кофемашиной вышло удачно.

С остальным — нет.

На книжной полке напротив дивана, между томом Гражданского кодекса и сборником Чехова, стояла стеклянная статуэтка: «Юрист года. Семейное право». Марго получила её два года назад на торжественном вечере, где все пили шампанское и говорили друг другу, какие они прекрасные специалисты. Ведущий, вручая ей статуэтку, пошутил: «За самое большое количество разбитых сердец!» — и зал засмеялся. Марго тоже засмеялась. Красиво, как полагается.

Сейчас статуэтка ловила свет фонаря и отбрасывала на стену бледную радугу. Единственную радугу в этой квартире. Марго посмотрела на неё и подумала, что если когда-нибудь её спросят, чем она гордится в жизни, она честно ответит: кофемашиной и вот этой стекляшкой. И ещё, может быть, тем, что за девять лет ни разу не плакала на работе.

Это был, в сущности, неплохой список. Короткий, зато без ошибок.

«Как у хорошего договора», — подумала Марго и сама не поняла, похвалила она себя или пожалела.

Телефон на столе мигнул. Вера, в начале третьего: «Ты спишь? Если не спишь — спи. Если спишь — молодец». И следом: «Я серьёзно про субботу. Я по тебе скучаю».

Марго прочитала и не ответила. Не потому, что не хотела. А потому, что любой ответ, который приходил в голову, был неправдой. «Приду» — неправда. «Я тоже скучаю» — правда, но тогда пришлось бы прийти. «Прости» — слишком рано, суббота ещё не наступила. Она положила телефон экраном вниз, как кладут карту, которую не готовы разыграть.

Взгляд упал на кружку на подоконнике. Белую, с золотой каёмкой. Марго вдруг очень ясно вспомнила тот день, когда её купила.

Это было лет пять назад, в мае, на блошином рынке за старым вокзалом, куда её затащила Вера («Тебе нужно хоть что-нибудь, чего нет у других людей!»). Марго ходила между рядами, скучая, — старые утюги, пластинки, чьи-то бабушкины броши, — и вдруг остановилась у самого крайнего лотка. За ним сидела старушка. Маленькая, сухонькая, в шляпке с вуалеткой, в перчатках без пальцев, с лицом, похожим на печёное яблоко. И с трубкой. Настоящей курительной трубкой, из которой поднимался сизый ароматный дымок, пахнущий вишней и чем-то ещё, старинным, вроде сундука.

На лотке у неё стояла одна-единственная вещь. Эта кружка.

— Сколько? — спросила Марго.

Старушка вынула трубку изо рта и посмотрела на неё долгим, внимательным взглядом. У неё были удивительные глаза: светлые, острые, совершенно не старушечьи.

— Для тебя, деточка, — сказала она, — сто рублей.

— А для других?

— А для других она не продаётся.

Марго засмеялась. Это был хороший ход, она бы сама так торговалась. Она отдала сто рублей, старушка завернула кружку в газету — газета была странная, на незнакомом языке, с картинками, похожими на гравюры, — и, отдавая, вдруг удержала её в руках на секунду дольше, чем нужно.

— Пейте из неё только хорошее, деточка, — сказала она. — И желайте тоже только хорошее. Она слышит.

— Кто слышит? Кружка?

Старушка не ответила. Она снова сунула трубку в рот и выпустила кольцо дыма, такое ровное, что Марго засмотрелась на него. А когда снова посмотрела на лоток — старушки уже не было. Ни старушки, ни лотка, ни газеты. Только Вера тянула её за рукав к ряду с пластинками.

Тогда Марго решила, что старушка просто быстро собралась. Сейчас, в три часа ночи, ей впервые пришло в голову, что за пять минут нельзя собрать лоток, табурет и зонтик от солнца. Даже если ты очень шустрая старушка.

«Ерунда», — подумала она. И всё-таки посмотрела на кружку чуть дольше, чем собиралась.

Она подтянула плед повыше и посмотрела в потолок. Потолок был белый, высокий, без единой трещины. Хороший потолок. Надёжный. Как и вся её жизнь: светлая, чистая, просторная, правильная. И совершенно пустая, как кружка, которую вымыли и поставили на полку.

«Ну вот, — сказала она себе. — Началось. Три часа ночи, кризис среднего возраста, сейчас ещё заплачь».

Плакать не хотелось. Хотелось чего-то другого, и Марго долго не могла понять чего, пока не поняла: хотелось, чтобы хоть кто-то, хоть где-то, хоть раз — не развёлся. Не для неё. Не для её статистики. Просто так. Чтобы мир хотя бы раз доказал ей, что она не права.

Это было глупо. Она взрослая женщина, адвокат по разводам, лучшая в городе, если верить отзывам и Геннадию Павловичу. Она знала, чем кончаются сказки. Она каждый день читала их последнюю страницу.

Марго встала, чтобы выключить ноутбук, и увидела на подоконнике кружку с чаем.

Чай, разумеется, остыл. На поверхности плавал тонкий золотистый налёт, и в нём отражался фонарь за окном. Марго взяла кружку в руки — она была холодная и тяжёлая — и посмотрела в окно.

Город спал. Мокрые крыши, мокрые деревья, жёлтые фонари. Где-то далеко ехала одинокая машина. В доме напротив горело одно окно, и в нём, кажется, тоже кто-то не спал. Марго подумала, что там, наверное, тоже сидит какая-нибудь женщина с остывшим чаем и думает о своём. А может, мужчина. А может, кот. Котам ведь тоже бывает одиноко в три часа ночи.

Небо над городом было чистым. Дождь кончился. Сквозь рваные облака проглядывали звёзды — редкие, неяркие, городские, такие, на которые никто не смотрит.

* * *

— Хоть бы у кого-нибудь всё закончилось хорошо, — сказала Марго в окно.

Сказала негромко. Не в небо, не богу, не кому-то конкретному. Просто вслух, как говорят «ну и денёк» или «где мои ключи». Как говорят, когда в комнате никого нет и можно позволить себе одну честную фразу в сутки.

И в эту же секунду с неба сорвалась звезда.

Марго видела падающие звёзды и раньше. В детстве, на даче у бабушки, где небо по ночам было таким густым, что звёзды из него вываливались горстями. Там их полагалось ловить глазами и загадывать желание, пока они не погасли. Марго тогда загадывала собаку, велосипед и чтобы родители не ругались. Собаку ей так и не купили, велосипед украли через месяц, а родители перестали ругаться, когда развелись. С тех пор она падающим звёздам не доверяла.

Но эта звезда падала неправильно.

Во-первых, она не гасла. Она летела, становясь всё ярче, — сначала белая, потом золотая, потом тёплая, медовая, как свет в окне, где тебя ждут.

Во-вторых, она летела не вниз, а сюда.

В-третьих — и это Марго поняла уже позже, перебирая события той ночи с адвокатской тщательностью, — она летела не просто сюда, к дому, к окну. Она летела прямо к кружке.

— Что за… — успела сказать Марго.

Звезда пролетела сквозь закрытое окно, как сквозь воду. Стекло не разбилось и даже не звякнуло — только по нему пробежала лёгкая рябь, будто кто-то провёл пальцем по поверхности пруда. Комната на миг наполнилась светом, золотым и тёплым, пахнущим — Марго потом готова была в этом поклясться в любом суде — свежим хлебом и почему-то корицей.

И звезда упала в чай.

Не плюхнулась, не зашипела, не расплескала. Просто вошла в остывший чай с бергамотом тихо, как входит в воду ложка мёда. Кружка в руках Марго вспыхнула. Золотая каёмка по краю засветилась так ярко, что Марго зажмурилась, а когда открыла глаза, чай светился изнутри, медленно кружась, как маленькая галактика.

Марго стояла посреди комнаты в футболке «Lawyer up», босиком, с кружкой в руках, и смотрела в неё.

Галактика в кружке кружилась. В ней плавали крошечные искры, похожие на блёстки, и от них поднимался тонкий, едва заметный пар, хотя чай, Марго это точно знала, был холодным.

— Так, — сказала Марго вслух. Голос был совершенно нормальный, деловой. Она всегда так разговаривала с собой в экстренных ситуациях. — Так. Спокойно.

Варианты. Нужно рассмотреть варианты.

Вариант первый: она уснула на диване, и всё это ей снится. Вероятность — высокая. Аргументы «за»: три часа ночи, шесть часов переговоров, четыре чашки кофе и полное отсутствие ужина. Аргументы «против»: во сне она обычно не мёрзнет ногами, а сейчас ноги мёрзли вполне убедительно.

Вариант второй: она переутомилась, и у неё галлюцинации. Вероятность — тоже высокая. Аргументы «за»: см. вариант первый. Аргументы «против»: Марго за всю жизнь ни разу не

видела галлюцинаций, даже когда в институте неделю не спала перед госэкзаменом, и было бы обидно начать с такой ерунды, как звезда в чае.

Вариант третий…

Третьего варианта не было. То есть он был, но Марго его не рассматривала. Она была адвокатом. Адвокаты не верят в чудеса. Адвокаты верят в доказательства, подписи и сроки исковой давности.

Галактика в кружке кружилась. Тихо, мирно, совершенно не интересуясь, во что верят адвокаты.

Марго сделала то, что сделал бы на её месте любой разумный человек двадцать первого века: одной рукой придерживая кружку, другой нашарила на диване телефон и сфотографировала.

На фотографии была кружка. Белая, с золотой каёмкой. С остывшим чаем. Обычным, тёмным, с плёнкой на поверхности. Никакой галактики. Никакого света. Даже фонарь в нём не отражался.

Марго посмотрела на экран. Потом в кружку. В кружке кружились звёзды. Потом снова на экран. На экране был чай.

— Ага, — сказала она. — Доказательства не принимаются. Очень удобно.

Она сфотографировала ещё раз, со вспышкой. Чай. С другого ракурса. Чай. Она включила видео и, чувствуя себя полной идиоткой, громко и чётко произнесла: «Три часа восемь минут, в кружку упала звезда, свидетелей нет». На видео тридцатидвухлетняя женщина в футболке «Lawyer up» держала кружку обычного чая и говорила странные вещи. Если бы Марго увидела такое видео от клиентки, она бы посоветовала ей хорошего психотерапевта и взяла бы аванс вперёд.

Галактика в кружке, кажется, слегка развеселилась: искры закружились быстрее, и запах корицы стал сильнее. Пахло той самой булочной на углу. Пахло утром, когда никуда не надо бежать. Пахло чем-то, чего у Марго очень давно не было, и она не сразу смогла подобрать слово. Потом подобрала: «дома». Здесь, в её собственной квартире, впервые за много лет пахло домом.

Марго подумала, не вылить ли её в раковину. Потом подумала, что это будет как-то… невежливо. Потом подумала, что думать о вежливости по отношению к содержимому кружки — это, пожалуй, уже аргумент в пользу варианта второго. Потом ей ужасно, просто невыносимо захотелось спать.

Сон навалился сразу, тёплый и тяжёлый, как плед. Глаза закрывались сами. Колени подгибались. Это было похоже на то, как засыпаешь в детстве в машине по дороге с дачи — когда ещё слышишь, как папа переключает радио, а мама шепчет «тише, она спит», но уже не можешь пошевелить даже пальцем.

Марго поставила кружку на подоконник. Аккуратно. Чтобы не расплескать. Почему-то это казалось очень важным.

— Переутомление, — сообщила она сама себе, падая на диван. — Определённо переутомление. Завтра возьму выходной. Позвоню Вере. Схожу за круассанами.

Плед сам собой натянулся ей до подбородка.

В кружке на подоконнике тихо кружилась маленькая галактика, и её свет ложился на белый потолок золотыми пятнами, похожими на чьи-то следы.

Последнее, что Марго услышала, засыпая, был голос. Очень далёкий, очень сухой, мужской. Он произнёс, кажется, без всякого удовольствия:

— Заявление принято.

«Какое ещё заявление», — хотела спросить Марго.

Голос, кажется, услышал её мысль, потому что продолжил — всё так же сухо и, как ей показалось, с лёгким раздражением, как говорят люди, которых разбудили среди ночи по чужой глупости:

— Кандидатка: Ланская Маргарита Сергеевна. Возраст: тридцать два. Род занятий… — короткая пауза, — адвокат по разводам. Прекрасно. Просто прекрасно. Совет, должно быть, шутит.

— Совет не шутит, мальчик мой, — ответил второй голос.

Этот был совсем другим. Женским, старым, хрипловатым, с мягкой насмешкой, и от него пахнуло — Марго почувствовала это даже сквозь сон — вишнёвым табаком и сундуком.

— Совет никогда не шутит. Шутит жизнь. А она, между прочим, пять лет ждала, пока эта деточка наконец пожелает что-нибудь вслух.

— Она пожелала это в пустоту. Без адресата.

— Самые честные желания всегда без адресата.

— Она не верит в любовь.

— А ты веришь?

Наступила тишина. Длинная, тяжёлая, такая, в которой, как подумала засыпающая Марго, кто-то очень старательно не отвечал на вопрос.

— Испытательный срок, — наконец произнёс мужской голос. — Десять подопечных. Как положено.

— Как положено, — согласилась старуха. — И не дуйся. Тебе полезно.

— Мне ничего не полезно.

— Вот поэтому и полезно.

Что-то тихо звякнуло — будто ложечкой о край кружки. Золотые пятна на потолке закружились быстрее, слились в одно сияющее облако, и Марго почувствовала, как диван под ней становится мягче, мягче, ещё мягче, превращаясь во что-то воздушное, пахнущее ванилью и розовой водой.

«Надо будет потом выяснить, кто это был, — подумала она с последними остатками профессиональной трезвости. — И подать встречный иск».

На этой мысли она уснула окончательно.

Проснулась она в облаке.

Глава 2. Трудовой договор мелким шрифтом

§ 3. Пожелание, высказанное искренне, считается заявлением.
Пометка на полях: «Прочитала бы раньше — молчала бы».
* * *

Облако было розовым.

Не в переносном смысле, как бывает «розовое облако влюблённости», о котором пишут в журналах для девушек от двенадцати до двадцати. А в самом прямом и даже вызывающем. Марго лежала на чём-то мягком, воздушном и упругом одновременно, и это что-то было розовым, как зефир, как детская пижама, как губная помада, которую она в шестнадцать лет купила тайком от мамы и ни разу не надела.

Сверху тоже было розовое. Балдахин. Тюль. Много тюля. Целые водопады тюля, собранные в складки, перехваченные лентами и усыпанные чем-то блестящим, похожим на сахарную пудру.

Марго закрыла глаза и сосчитала до десяти. Это помогало на переговорах, когда противоположная сторона говорила что-нибудь невыносимое.

Открыла. Тюль никуда не делся.

— Так, — сказала она.

Голос прозвучал хрипло, как бывает со сна, и почему-то с лёгким эхом, будто она находилась в очень большом помещении. Марго осторожно села. Облако под ней мягко прогнулось и пружинисто вернуло её обратно, как батут.

Комната была круглой. Это первое, что она отметила, — адвокатская привычка начинать с фактов. Круглая, с высоким куполообразным потолком, расписанным звёздами. Звёзды, кстати, двигались. Медленно, почти незаметно, но двигались — Марго смотрела на одну, голубоватую, над самой кроватью, и та за минуту переползла на ладонь в сторону.

Стены были розовые, с золотыми завитками. Окна — высокие, стрельчатые, в три человеческих роста, и за ними не было ничего. Точнее, было небо. Голубое, утреннее, с облаками внизу. Внизу. Марго смотрела на облака сверху, как из иллюминатора самолёта.

Мебель тоже была. Туалетный столик с овальным зеркалом в оправе из перламутровых роз. Пуф, похожий на огромное пирожное. Шкаф с резными дверцами, на которых были вырезаны птички, бабочки и что-то, подозрительно напоминающее тыквы. Тумбочка у кровати — белая, изящная, на гнутых ножках. На тумбочке лежал свиток.

Марго посмотрела на себя.

На ней была ночная сорочка. Длинная, до пят. Белая, с кружевом по вороту, с оборками на рукавах, с розовыми атласными бантиками на груди. Три бантика. Марго пересчитала. Потом пересчитала ещё раз в надежде, что их окажется меньше. Их было три.

Она никогда в жизни не носила ничего подобного. Её ночная одежда за последние десять лет делилась на две категории: футболки, подаренные коллегами, и футболки, украденные у Кости. Сорочка с бантиками в эту классификацию не вписывалась.

— Где камеры? — громко спросила Марго.

Ответа не было. Звёзды на потолке продолжали ползти. Где-то за окном пролетела птица — белая, крупная, с очень длинным хвостом, который переливался всеми цветами радуги.

Марго выбралась из облака, путаясь в оборках. Пол оказался тёплым и гладким, как отполированный камень, нагретый солнцем. Босые ноги, ещё вчера гудевшие после шпилек, совсем не болели. Это было подозрительно. В её жизни ничто не проходило само по себе.

Она подошла к окну. Медленно, как подходят к краю обрыва.

Вид был невозможный. Под ней, далеко-далеко, раскинулся мир. Не город, не страна — именно мир, весь сразу, будто нарисованный на огромной карте и оживший. Леса — тёмно-

зелёные, бархатные, с золотыми проплешинами полян. Реки — серебряные нити. Горы на горизонте, синие, со снежными шапками. Прямо под окном, сквозь просвет в облаках, видны были крошечные белые замки с остроконечными башенками, похожие на кусочки сахара. Над одним из них вился флажок. Над другим кружило что-то крупное, рыжее, с крыльями.

Марго очень надеялась, что это птица.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Хорошо. Допустим.

Она отошла от окна и, раз уж выбора не было, принялась осматривать место происшествия. Так она это для себя назвала. Место происшествия — звучало солидно и возвращало ощущение контроля.

Шкаф с тыквами на дверцах открылся сам, стоило ей протянуть руку. Внутри висели платья. Много платьев. Розовое, бледно-розовое, розовое с золотом, розовое с серебром, сиреневое (видимо, для траура), снова розовое и одно абрикосовое, висевшее с краю с таким видом, будто его повесили по ошибке. У каждого были оборки. У некоторых — оборки на оборках. У одного, самого пышного, на подоле были вышиты маленькие тыквы.

Брюк не было. Пиджаков не было. Ничего, в чём можно было бы прийти в суд, не вызвав у судьи сердечного приступа.

На внутренней стороне дверцы была пришпилена записка. Кусочек плотной бумаги, исписанный крупным, размашистым, совершенно не каллиграфическим почерком, будто писали на колене и торопились:

«Деточка! Сорочка с бантиками — моя идея. Не благодари. Платья не мои, это Совет, с ним спорить бесполезно, я пробовала сто лет. Абрикосовое — лучшее, бери его. И не верь ни одному слову зануды в камзоле, пока он не скажет его дважды. Б.»

Марго перечитала записку три раза. «Деточка». Где-то она это уже слышала. Совсем недавно. Мысль мелькнула и ускользнула, как рыба из рук, и Марго не успела её поймать.

— Б., — сказала она. — Отлично. Анонимные доброжелатели. Это всегда к неприятностям.

Записку она на всякий случай сунула в кармашек сорочки. Кармашек, к её удивлению, нашёлся — маленький, на груди, прямо под вторым бантиком. Видимо, Б. позаботилась и об этом.

За шкафом обнаружилась ещё одна дверь, поменьше, и за ней — ванная. Если это можно было назвать ванной. Скорее это была небольшая мраморная купальня с бассейном в форме раковины, полным тёплой воды, по поверхности которой плавали розовые лепестки. Сами собой. Они кружились медленно, как в вальсе, и, когда Марго наклонилась над водой, выстроились в слово «Доброе утро».

— Доброе, — сказала им Марго с сомнением.

Лепестки, кажется, обрадовались и выстроились в смайлик.

Полотенца на крючках были пушистые, розовые и тёплые. Одно, когда Марго до него дотронулась, само обернулось вокруг её руки и ласково потёрлось, как кот. Марго отдёрнула руку. Полотенце обиженно повисло.

Мыло пахло розой. Шампунь пах розой. Зубная щётка, найденная в перламутровом стаканчике, была с ручкой в форме розы и, когда Марго взяла её, тихо зазвенела, как колокольчик.

Марго посмотрела на себя в зеркало над раковиной. Обычное зеркало, к счастью. Без лепестков и колокольчиков. Из него смотрела всё та же женщина, что и вчера в прихожей. Серые глаза. Упрямый рот. Только волосы растрепались сильнее и на щеке отпечатался след от розовой подушки — в форме маленького сердечка.

Она потёрла щёку. Сердечко не стёрлось.

— Это, — сказала Марго своему отражению, — война.

Она отвернулась от окна и прислонилась к раме спиной. Нужно было мыслить логически. Что она помнит последним? Сомовы. Фикус. Тётя Зина. Анна Марковна. Маркиз. Чай. Кружка.

Звезда в кружке.

Марго медленно подняла руку к лицу. Только сейчас она заметила, что всё это время сжимала что-то в кулаке. Пальцы разжались с трудом, будто затекли.

На ладони лежала палочка.

Тонкая, длиной с карандаш, только изящнее. Светлая, почти белая, будто выточенная из слоновой кости или из очень старого дерева, отполированного тысячами прикосновений. Чуть сужающаяся к концу. По всей длине вились едва заметные узоры — то ли листья, то ли буквы незнакомого алфавита. А на самом кончике дрожала крошечная искра, как капля росы на солнце.

Палочка была тёплой. Не нагретой от руки — тёплой изнутри, как бывает тёплым котёнок или чашка с только что налитым чаем. И, Марго могла бы поклясться, она слегка пульсировала. Будто дышала.

— Нет, — сказала Марго палочке.

Искра на кончике мигнула. Кажется, обиженно.

* * *

Свиток на тумбочке был перевязан золотой лентой, и на ленте висела печать — круглая, размером с блюдце, из розового сургуча. На печати был оттиск: кружок из десяти звёзд, а в центре — что-то вроде раскрытой книги, над которой поднимался стебелёк с цветком.

Марго взяла свиток. Он был тяжёлым, как хорошая бумага, и пах лавандой.

Профессиональный рефлекс сработал раньше, чем она успела подумать. Пальцы сами нащупали край печати, сломали её — аккуратно, чтобы потом можно было предъявить как доказательство, — и развернули свиток. Он развернулся с тихим шелестом и всё разворачивался, и разворачивался, пока не свесился с тумбочки до самого пола и не лёг на пол кольцами, как ковровая дорожка.

Наверху, крупными золотыми буквами с завитушками, было написано:

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР
крёстной феи Отдела Счастливых Концовок
(испытательный срок)

Ниже, буквами поменьше, но всё ещё с завитушками:

Заключён между Советом Фей Сказочных Королевств, именуемым в дальнейшем «Совет», с одной стороны, и Ланской Маргаритой Сергеевной, именуемой в дальнейшем «Крёстная», с другой стороны…

Марго почувствовала, как у неё дёрнулся уголок рта. Это было до того знакомо, что почти успокаивало. Сказочные королевства, феи, облака — пожалуйста. Но «именуемой в дальнейшем» — это был её мир. Её язык. Здесь она была дома.

Она села на пуф-пирожное, положила свиток на колени и сделала то, что делала с любым договором уже девять лет: перемотала в самый конец.

Конец договора — самое интересное место. Там, где ответственность сторон, порядок расторжения, форс-мажор и, главное, приложения. Всё самое неприятное люди всегда прячут в конец, надеясь, что до него никто не дочитает. Марго дочитывала всегда. За это её и боялись.

Раздел 47. Порядок расторжения настоящего Договора.

47.1. Настоящий Договор расторжению по инициативе Крёстной не подлежит.

Марго перечитала. Потом перечитала ещё раз.

— Это незаконно, — сообщила она пустой комнате. — Это противоречит любому трудовому кодексу. Любому. Даже сказочному.

Комната не ответила. Палочка, которую Марго положила рядом на ковёр, слабо мигнула искрой. Возможно, сочувственно.

47.2. Настоящий Договор прекращает действие по истечении Испытательного срока в порядке, предусмотренном Разделом 12.

Раздел двенадцать оказался ближе к началу. Марго отмотала.

Раздел 12. Испытательный срок.

12.1. Испытательный срок Крёстной составляет десять (10) Подопечных.

12.2. Испытательный срок считается пройденным по достижении Крёстной десяти (10) Счастливых Концовок, по одной для каждой Подопечной.

12.3. По прохождении Испытательного срока Крёстная получает право на одно (1) Желание для себя лично, в пределах, установленных Уставом.

12.4. В случае непрохождения Испытательного срока Крёстная остаётся на службе Совета бессрочно, без права на собственную жизнь, в качестве…

Дальше шло длинное слово, которое Марго не смогла прочитать: буквы в нём шевелились и перетекали одна в другую, как жучки.

…и, при необходимости, может быть обращена в тыкву (см. Приложение 14).

Марго медленно опустила свиток.

— Тыква, — сказала она. — Тыква. В качестве санкции. Отлично. Великолепно. Где Приложение четырнадцать?

Приложения четырнадцать в свитке не было. Марго проверила дважды. Было Приложение тринадцать («Перечень разрешённых видов чудес») и Приложение пятнадцать («Форма отчёта о хрустальной обуви»). Четырнадцатое отсутствовало. На его месте было пустое место и маленькая клякса, похожая на семечко.

По дороге, отматывая свиток, она выхватывала взглядом другие пункты, и с каждым из них её брови поднимались всё выше.

Раздел 8. Оплата труда. 8.1. Оплатой труда Крёстной является искренняя благодарность Подопечных. 8.2. Благодарность выплачивается по завершении Концовки, единовременно, в устной или иной форме, по усмотрению Подопечной.

— То есть бесплатно, — сказала Марго.

Раздел 9. Отпуск. 9.1. Отпуск Крёстной на Испытательном сроке не предусмотрен. 9.2. Крёстная вправе отдыхать в промежутках между вызовами, если таковые промежутки имеются.

— То есть никогда.

Раздел 15. Внешний вид. 15.1. Крёстная обязана выглядеть празднично. 15.2. Под праздничным видом понимается наличие не менее трёх (3) оборок или бантов на видимой части одежды. 15.3. Брюки допускаются в исключительных случаях по согласованию с Советом (см. форму 7-Б).

Марго посмотрела на три бантика у себя на груди. Теперь она понимала, откуда цифра.

Раздел 21. Профессиональная этика. 21.1. Крёстная обязана быть доброй. 21.2. Крёстная обязана улыбаться Подопечным (методика улыбки изложена в Приложении 3). 21.3. Крёстная не вправе произносить при Подопечных слова «развод», «раздел имущества», «алименты» и иные слова, перечисленные в Приложении 9 («Слова, недопустимые в сказке»).

Марго нашла Приложение девять. Оно было длинным. Слово «развод» стояло в нём первым. Вторым — «ипотека». Третьим, к её искреннему изумлению, — «понедельник».

— Ну хоть в чём-то мы согласны, — пробормотала она.

Приложение три, «Методика улыбки», содержало рисунок. На рисунке была изображена круглолицая фея с крылышками и улыбкой такой ширины, что у Марго заныли скулы от одного взгляда. Подпись гласила: «Улыбка Крёстной должна выражать бескорыстную радость, тёплое участие и полную уверенность в счастливом исходе. Зубы — по желанию».

Ещё один пункт, в самой середине свитка, был набран чуть более мелким шрифтом, чем остальные, — верный признак того, что составители очень хотели, чтобы его не заметили.

Раздел 30. Куратор. 30.1. На период Испытательного срока Совет назначает Крёстной Куратора. 30.2. Куратор наблюдает за работой Крёстной, оценивает её действия и докла-

дывает Совету. 30.3. Крёстная обязана выполнять законные указания Куратора. 30.4. Куратору и Крёстной на Испытательном сроке запрещаются любые личные отношения, выходящие за пределы служебных. Нарушение влечёт провал Испытательного срока для Крёстной и отставку для Куратора.

Марго хмыкнула. Пункт тридцать-четыре показался ей самым бессмысленным во всём договоре. Личные отношения с надзирателем. В её практике бывали всякие сюжеты, но такого, чтобы кто-то добровольно завёл роман с собственным контролёром, она не встречала ни разу. Она поставила рядом с пунктом мысленную галочку «не применимо» и забыла о нём.

Как выяснится позже, это была самая большая юридическая ошибка в её жизни.

Она вернулась к самому началу. Теперь — по порядку, внимательно, каждую строку. Медленно. С профессиональным холодком в груди, который появлялся у неё всегда, когда она чувствовала, что её пытаются обмануть.

Раздел 1. Основания заключения Договора.

1.1. Настоящий Договор заключён на основании Заявления Крёстной, поданного…

Тут была дата. Вчерашняя. И время: три часа семь минут.

…в устной форме, путём искреннего Пожелания чужого Счастья, высказанного вслух в присутствии Звезды, в соответствии с § 3 Устава Крёстных («Пожелание, высказанное искренне, считается заявлением»).

Марго почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Я не подавала никакого заявления, — сказала она громко. — Я сказала фразу. В пространство. Это не волеизъявление! У меня не было намерения вступать в правоотношения! Отсутствие умысла! Существенное заблуждение! Я требую…

— Вы требуете чего? — спросил сухой мужской голос у неё за спиной.

* * *

Марго обернулась так резко, что пуф под ней покачнулся, а свиток соскользнул с колен и уполз по полу шуршащими кольцами.

В дверях стоял мужчина.

Дверь, которой она не заметила раньше, — высокая, белая, с золотой ручкой в виде розы — была открыта. И мужчина стоял в проёме так, будто стоял там всегда и просто ждал, когда на него обратят внимание. Прислонившись плечом к косяку. Сложив руки на груди.

Первое, что Марго подумала, — и потом она никогда в этом не признается, ни под присягой, ни под пыткой, — было: «Ох».

Он был красив. Не по-журнальному, не той глянцевой красотой, которая нравится всем и забывается через пять минут. А как-то… старомодно. Как бывают красивы люди на старинных портретах: высокий лоб, прямой нос, чёткие скулы, твёрдо очерченный рот, который, кажется, никогда не улыбался. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем носят сейчас, откинуты назад. Тёмный камзол — да, камзол, с высоким воротом и рядом серебряных пуговиц — сидел на нём так, будто был сшит вчера лучшим портным столетия. Белый шейный платок. Узкие тёмные брюки, высокие сапоги.

И глаза. Светлые, серые, почти серебряные. Холодные, как январское небо над рекой. Они смотрели на Марго с вежливым, бесконечным и совершенно нескрываемым неодобрением.

Второе, что Марго подумала, было: «Я в ночной сорочке с тремя бантиками».

Третьего она не подумала, потому что мужчина заговорил:

— Элиан Морвей. Куратор вашего испытательного срока, назначенный Советом. — Он не поклонился и не протянул руки. Просто сообщил, как сообщают прогноз погоды. — А вы, полагаю, Ланская Маргарита Сергеевна. Тридцать два года. Адвокат по разводам.

Последние три слова он произнёс так, как другие произносят «больна чумой».

— Полагаете верно, — сказала Марго и встала. Встать в сорочке с оборками с достоинством оказалось непросто, но она справилась. Девять лет в суде научили её держать лицо в любой одежде. Однажды она выиграла дело, выступая в пиджаке, залитом кофе, и с одной сломанной шпилькой. — А вы, полагаю, тот самый голос из сна. Который сказал «заявление принято».

Что-то мелькнуло в серебряных глазах. Удивление? Досада? Исчезло прежде, чем Марго успела разобрать.

— Вы слышали.

— Я всё слышу, господин Морвей. Это моя работа. — Она подняла с пола конец свитка и помахала им. — И раз уж вы куратор, давайте сразу проясним. Я не подавала никакого заявления. Фраза, произнесённая в три часа ночи в состоянии переутомления, не является волеизъявлением. Договор ничтожен. Я требую вернуть меня домой. Немедленно.

Элиан Морвей посмотрел на свиток в её руке, потом на неё. Медленно. С головы до пят. До босых пят, торчащих из-под оборок.

— Раздел сорок семь, пункт первый, — сказал он. — Расторжению по инициативе крёстной не подлежит.

— Это противоречит…

— Вашему трудовому кодексу. Я понимаю. — Он оттолкнулся от косяка и вошёл в комнату. Шаги у него были бесшумные, точные, как у человека, который знает каждую половицу. — Но вы больше не в мире вашего трудового кодекса, госпожа Ланская. Здесь действует Устав Крёстных. Тысяча четыреста страниц. И в нём, поверьте, вопрос о волеизъявлении проработан куда тщательнее, чем вам хотелось бы. «Искреннее пожелание чужого счастья, высказанное вслух в присутствии звезды». Вы пожелали. Звезда присутствовала. Искренность засвидетельствована.

— Кем?

— Звездой.

— Звезда не может быть свидетелем!

— В вашем мире — нет, — согласился Элиан. — В нашем это самый надёжный свидетель. Звёзды не лгут. У них нет такой возможности. — Он остановился у окна и посмотрел вниз, на далёкие сахарные замки. Профиль у него был такой, что хотелось чеканить на монетах, и Марго немедленно себя за эту мысль возненавидела. Чтобы отвлечься, она стала смотреть на его руки — руки часто говорят о человеке больше, чем лицо. Руки были длинные, сильные, без колец. В левой он держал часы на цепочке: старинные, серебряные, с крышкой, украшенной гравировкой в виде маяка. Крышка была открыта. Элиан, кажется, сам не замечал, что держит их, — пальцы машинально поглаживали край, как поглаживают чётки.

Марго посмотрела на циферблат. Стрелки показывали без одной минуты двенадцать.

Она посмотрела в окно, на утреннее солнце. Потом снова на часы. Секундная стрелка не двигалась. Часы стояли. Без одной минуты полночь — и стояли.

«Сломаны, — подумала Марго. — Зачем носить сломанные часы?» Она открыла было рот, чтобы спросить, но Элиан, будто почувствовав её взгляд, щёлкнул крышкой и убрал часы во внутренний карман камзола. Движение было быстрым и точным. Таким прячут то, что не предназначено для чужих глаз. — Условия просты. Десять подопечных. Десять счастливых концовок. Справитесь — получите одно желание для себя. Можете пожелать вернуться домой, если угодно. Не справитесь — останетесь феей навсегда. Без собственной жизни.

— И тыква, — сказала Марго.

Элиан повернулся.

— Простите?

— Пункт двенадцать-четыре. «При необходимости может быть обращена в тыкву». Ссылка на Приложение четырнадцать. Которого нет.

Он помолчал. Совсем чуть-чуть.

— Это шутка, — сказал он.

— Чья?

— Совета.

— Совет шутит в трудовых договорах?

Элиан снова помолчал. Чуть дольше. Потом произнёс — и Марго могла поклясться, что впервые за весь разговор в его голосе прозвучала неуверенность:

— Наверное.

Они смотрели друг на друга через всю круглую розовую комнату. Он — в безупречном камзоле, с безупречной осанкой, с безупречным выражением вежливого презрения. Она — в сорочке с тремя бантиками, со спутанными со сна волосами, с договором в руке и с выражением лица, которое коллеги называли «Ланская пошла в атаку».

— Позвольте уточнить, господин куратор, — сказала Марго ласково. Так ласково, что Геннадий Павлович, услышь он этот тон, немедленно попросил бы перерыв. — Вы, как я понимаю, лично считаете, что я провалюсь.

— Я в этом уверен.

— Почему?

— Потому что вы адвокат по разводам. — Он произнёс это без злости. Просто как факт. — Вы девять лет занимались тем, что заканчивали чужие истории. Плохо. Профессионально, с соблюдением процедуры, но плохо. А теперь вам предстоит заканчивать их хорошо. Это противоположная специальность, госпожа Ланская. Вы не верите в счастливые концовки. Я читал ваше дело.

— У меня есть дело?

— У всех есть дело. — Он кивнул на шкаф с резными тыквами. — Ваше занимает три полки. Особенно интересен раздел «Личная жизнь». Он короткий.

Марго почувствовала, как у неё вспыхнули уши. Это было ниже пояса. Это было подло. И, что хуже всего, это было правдой.

— А вы, господин Морвей, — сказала она, — судя по всему, зануда.

— Возможно.

— Сноб.

— Вероятно.

— И у вас, держу пари, тоже короткий раздел «Личная жизнь».

На этот раз он не ответил ничего. Совсем. Только что-то в его лице на миг закрылось, как закрывается дверь, когда сквозняк. Серебряные глаза стали ещё холоднее — хотя Марго казалось, что холоднее уже некуда.

— Ваш первый вызов скоро, — сказал он ровно. — Советую одеться. — И добавил, уже поворачиваясь к двери: — Во что-нибудь менее… праздничное.

* * *

Это было последней каплей.

Марго не знала, как именно это вышло. Она не собиралась ничего делать с палочкой. Она вообще забыла о ней — палочка так и лежала на ковре у пуфа, тихо мерцая искоркой. Но когда Элиан Морвей произнёс слово «праздничное» — с этой своей интонацией, с лёгким, едва заметным изгибом губ, будто сорочка с бантиками была личным оскорблением его эстетическому чувству, — Марго нагнулась, схватила палочку и взмахнула ею.

Она хотела доказать. Что всё это — бред. Что палочка — просто деревяшка. Что сейчас она махнёт ей, ничего не произойдёт, и можно будет с полным правом сказать: «Вот видите, никакой магии нет, это галлюцинация, верните меня домой и дайте больничный».

Палочка чихнула.

Других слов для этого не существовало. Она дёрнулась в руке Марго — коротко, судорожно, как дёргается нос перед чиханием, — и с её кончика вылетел сноп искр. Золотых, розовых, оранжевых. Искры пролетели через комнату с тихим треском, как бенгальский огонь, и врезались в белую тумбочку у кровати.

Тумбочка вспыхнула. Хлопнула. Окуталась облачком оранжевого дыма, пахнущего — Марго принюхалась — корицей и почему-то осенним рынком.

Когда дым рассеялся, тумбочки не было.

На её месте стояла тыква.

Большая, круглая, ярко-оранжевая, с глянцевыми боками и толстым зелёным хвостиком, закрученным спиралью. Тыква стояла на гнутых ножках тумбочки — все четыре ножки уцелели и теперь торчали из-под неё, как у таксы. На макушке тыквы, рядом с хвостиком, аккуратно лежал свиток договора — тот его конец, что ещё оставался на тумбочке.

В комнате стало очень тихо. Звёзды на потолке, кажется, перестали ползти.

Марго смотрела на тыкву. Тыква смотрела на Марго. По крайней мере, Марго так казалось: у тыквы на боку было тёмное пятнышко, похожее на глаз.

— Это, — сказала Марго очень спокойно, — была моя тумбочка.

— Это, — сказал Элиан Морвей не менее спокойно, — была тумбочка Совета. Казённое имущество. — Он даже не обернулся полностью. Только чуть повернул голову через плечо, глянул на тыкву без малейшего удивления, будто видел подобное каждый день перед завтраком. — Она так делает в стрессе.

— Кто?

— Палочка.

— Палочка в стрессе?

— Вы её нервируете.

Марго посмотрела на палочку. Палочка мелко дрожала в её руке. Искра на кончике испуганно моргала, то разгораясь, то почти совсем исчезая. Марго вдруг почувствовала нелепое, совершенно неуместное желание её погладить. Как гладят перепуганного котёнка.

Она не стала. Из принципа.

Вместо этого она сделала то, что сделал бы любой юрист, обнаруживший ошибку в документе: попыталась её исправить.

— Верни обратно, — сказала Марго палочке строго, направляя её на тыкву. — Тумбочку. Белую. На гнутых ножках.

Палочка задрожала сильнее. Искра на её кончике набухла, как капля, сорвалась и тихонько шлёпнулась на тыкву.

Тыква увеличилась вдвое.

Теперь она занимала почти весь угол у кровати, и ножки от тумбочки беспомощно торчали из-под неё, едва касаясь пола. Хвостик закрутился ещё сильнее, а на боку, рядом с пятнышком-глазом, появилось второе. Тыква смотрела на Марго двумя глазами, и выражение у неё было укоризненное.

— Не так, — сказала Марго. — Я сказала «обратно», а не «больше».

— Вы сказали «верни обратно», — заметил Элиан от двери. Он, кажется, впервые за утро наслаждался. — Обратно — куда? Обратно — в какое состояние? Обратно — к какому моменту? Палочка исполняет пожелания, госпожа Ланская. Не намерения. Вы, как юрист, должны понимать разницу.

Марго медленно повернулась к нему.

— Вы хотите сказать, — произнесла она, — что эта штука работает как плохо составленный договор?

— Я хочу сказать, что она работает буквально. — Элиан пожал плечами. Даже это получилось у него элегантно, как у человека, который пожимал плечами при трёх королевских

дворах. — Как именно составлять пожелания, крёстные учатся годами. Некоторые — веками. Некоторые не учатся никогда. Последние обычно заканчивают в Приложении четырнадцать.

— Которого нет.

— Которого нет, — согласился он с таким видом, будто это его ничуть не успокаивало.

Марго посмотрела на палочку. Палочка смотрела на неё — насколько может смотреть палочка, у которой нет глаз, — снизу вверх, виновато и испуганно, и искра на её кончике едва теплилась.

«Буквально, — подумала Марго. — Она понимает буквально. Как стажёр в первый день. Как Сомовы, когда я сказала им "поделите всё по справедливости", и они полчаса делили пополам сервиз, а потом выяснилось, что двенадцать предметов на двоих не делятся, потому что одна чашка разбита».

Это было, как ни странно, первое, что в этом мире показалось ей по-настоящему понятным.

— Это не галлюцинация, — сказала она медленно. Не Элиану — себе.

— Нет.

— И не сон.

— Нет.

— Я действительно в сказке.

— Вы действительно в Сказочных Королевствах. — Элиан наконец повернулся к ней полностью. — Резиденция Совета Фей, Башня Крёстных, четвёртый ярус, комната для крёстных на испытательном сроке. Розовая, потому что так положено по Уставу. Претензии по цвету подаются в письменном виде. Рассматриваются в течение ста лет.

Он сказал это совершенно серьёзно. Марго не смогла понять, шутит он или нет. Она очень хорошо умела читать людей — на этом строилась половина её успеха, — но это лицо не читалось. Оно было как запертая книга в красивом переплёте.

Тыква тихо скрипнула ножками.

И тут Марго накрыло. Не страхом, не паникой, не восторгом — чем-то гораздо более прозаическим. Она вдруг поняла, что не пила кофе с позавчерашнего дня. Что вчера у неё было четыре чашки, но это было вчера. Что сегодня утро — судя по свету за окном, раннее утро. Что каждое её утро вот уже девять лет начиналось с двойного эспрессо из большой итальянской кофемашины. И что здесь, в этом розовом облачном кошмаре с тыквами и кураторами, кофемашины, судя по всему, нет.

— Господин Морвей, — сказала Марго, и голос у неё впервые дрогнул. — У вас тут есть кофе?

Элиан Морвей посмотрел на неё долгим взглядом. В нём впервые промелькнуло что-то похожее на сочувствие. Или на злорадство. С ним было не разобрать.

— Кофе, — повторил он так, будто пробовал на вкус незнакомое иностранное слово. — Нет, госпожа Ланская. Кофе в Сказочных Королевствах не растёт.

Марго медленно опустилась обратно на пуф-пирожное. Палочка в её руке сочувственно мигнула.

— Тогда это не королевство, — сказала Марго. — Это ссылка.

Элиан ничего не ответил. Он вышел, бесшумно прикрыв за собой белую дверь с ручкой-розой. Но прежде, чем дверь закрылась, Марго могла поклясться, что услышала из коридора короткий звук. Очень короткий. Подозрительно похожий на сдавленный смешок.

Она посидела ещё минуту. Потом посмотрела на тыкву.

— Ну, — сказала она ей, — по крайней мере, ты не жалуешься.

Тыква не жаловалась. Тыква была лучшей собеседницей, которая встречалась Марго за последние сутки.

Где-то под рёбрами, слева, там, где у людей сердце, а у адвокатов профессиональная совесть, вдруг что-то дёрнулось. Коротко, ощутимо, как будто кто-то очень далеко потянул за невидимую нитку. Марго ахнула и прижала руку к груди.

Нитка дёрнула снова. Настойчивее.

А из коридора донёсся сухой голос, в котором больше не было никакого смеха:

— Ваш первый вызов, госпожа Ланская. Постарайтесь не опозориться.

Глава 3. Первый вызов

§ 7. Крёстная является по первому зову подопечной, где бы та ни находилась.

Пометка на полях: «Хоть в ванной? Хоть в тюрьме? Уточнить у профсоюза. Профсоюза нет».

* * *

Нитка дёрнула в третий раз, и Марго поняла, что это не метафора.

Под рёбрами, чуть левее сердца, действительно что-то было. Не боль — скорее ощущение, будто к ней изнутри привязали тонкую шёлковую ленточку, и кто-то где-то очень далеко за эту ленточку тянет. Сначала осторожно, как тянут за рукав, чтобы обратить на себя внимание. Потом настойчивее. Потом уже совсем невежливо, как тянут ребёнка из песочницы, когда пора домой.

— Подождите! — крикнула Марго в сторону двери. — Я не одета!

Из коридора не ответили. Шаги Элиана — она их не слышала, но почему-то была уверена, что он уходит, — удалились.

Нитка, однако, на мгновение ослабла — будто тот, кто тянул, тоже растерялся и решил подождать. Марго воспользовалась паузой самым неожиданным для себя образом. Она села на пуф-пирожное, схватила со столика перо — настоящее, гусиное, торчавшее из чернильницы в форме улитки, — и лист плотной розовой бумаги и начала писать.

Писать она умела быстро. Это было одно из главных профессиональных умений: за десять минут перерыва в судебном заседании составить ходатайство на три страницы так, чтобы судья не нашёл, к чему придраться.

«В Совет Фей Сказочных Королевств, — вывела она. — От Ланской М. С., крёстной на испытательном сроке (против воли). ПРЕТЕНЗИЯ. Настоящим заявляю, что Трудовой договор заключён с существенными нарушениями, а именно: 1) отсутствие волеизъявления заявителя; 2) отсутствие ознакомления с условиями до подписания; 3) отсутствие Приложения № 14, на которое имеется ссылка в п. 12.4; 4) несоответствие условий труда (розовый цвет, банты) элементарным требованиям профессиональной этики; 5) отсутствие кофе. Требую…»

На слове «требую» перо замерло. Марго поняла, что не знает, чего именно требовать. Вернуть домой? Это значило бы, что Элиан прав и она сдалась в первый же час. Отменить испытательный срок? Сомнительно. Выдать брюки? Мелко.

Пока она думала, чернила на бумаге начали шевелиться. Буквы поползли, перестроились, и Марго с изумлением увидела, как её безупречная претензия превращается в аккуратный каллиграфический текст: «Претензия принята к рассмотрению. Срок рассмотрения: сто (100) лет. С уважением, Канцелярия Совета». И ниже, мелко, другим почерком, будто кто-то приписал от себя: «Про кофе — сочувствуем».

— Сто лет, — сказала Марго. — Он не шутил.

Бумага скромно свернулась в трубочку и исчезла с лёгким хлопком, оставив после себя запах лаванды.

Нитка дёрнула снова. Марго качнулась вперёд, как от порыва ветра, и ухватилась за край шкафа.

— Так, — сказала она сквозь зубы. — Так. Тридцать секунд. Мне нужно тридцать секунд.

Она рванула дверцу шкафа. Платья заколыхались, зашуршали, как стайка испуганных птиц. Абрикосовое. Б. советовала абрикосовое. Марго схватила его за плечики — и тут же поняла, что одеваться в него придётся минут двадцать. У платья были крючки. Сзади. Штук сорок. И шнуровка. И нижняя юбка, пристёгнутая отдельно, на пуговицах, которые, судя по размеру, застёгивались исключительно пинцетом.

— Да вы издеваетесь, — сказала Марго платью.

Платье промолчало, но, кажется, согласилось.

Нитка дёрнула. Сильно. Марго выпустила плечики, и абрикосовое платье упало обратно в шкаф с обиженным шелестом.

«Халат, — лихорадочно подумала она. — Хоть что-нибудь. Плед. Полотенце. Полотенце!» Она метнулась в ванную, но пушистое розовое полотенце, то самое, что обиделось на неё полчаса назад, при виде Марго демонстративно соскользнуло с крючка и уползло под раковину.

— Предатель, — бросила ему Марго.

Последней надеждой была палочка. Марго подняла её и направила на себя. Палочка вздрогнула и съёжилась — насколько может съёжиться деревянная палочка.

— Одежда, — сказала Марго твёрдо и раздельно, как диктуют пункт договора стенографистке. — Нормальная. Брюки и рубашка. Пожалуйста.

Последнее слово она добавила на всякий случай. Вдруг поможет.

Палочка задумалась. Искра на её кончике мигнула раз, другой, будто перебирая варианты. Потом с неё сорвалась крошечная золотая пылинка и опустилась Марго на плечо.

На плече появился бантик.

Четвёртый. Розовый. Атласный. Аккуратно завязанный.

Марго посмотрела на бантик. Потом на палочку.

— Ты серьёзно?

Палочка виновато пискнула — Марго не знала, что палочки умеют пищать, — и спряталась у неё в кулаке.

«Раздел пятнадцать, — вспомнила Марго. — Не менее трёх оборок или бантов на видимой части одежды. Брюки — по согласованию с Советом, форма семь-Б». Палочка не могла выдать ей брюки. Брюки были запрещены. Зато могла выдать бант. Бантов было разрешено сколько угодно.

— Буквально, — простонала Марго. — Ты понимаешь всё буквально и ещё по Уставу. Ты не палочка. Ты помощник юриста на испытательном сроке.

Палочка, кажется, восприняла это как комплимент: искра потеплела.

В углу у кровати громко скрипнула тыква. Марго обернулась. Тыква — бывшая тумбочка, теперь размером с хорошее кресло — медленно, со скрипом гнутых ножек, поворачивалась к ней боком с двумя тёмными пятнышками. Будто хотела посмотреть, что происходит.

— Даже не начинай, — сказала ей Марго.

Тыква качнулась. Свиток договора, всё ещё лежавший у неё на макушке, соскользнул и шлёпнулся на пол. Развернулся. На самом верху, крупными золотыми буквами, сверкнуло: «Раздел 7. Крёстная является по первому зову Подопечной, где бы та ни находилась, в каком бы виде ни находилась сама Крёстная». Последние слова, Марго могла бы поклясться, были дописаны только что. Чернила ещё блестели.

— «В каком бы виде», — повторила она. — Вы это специально. Вы это специально вписали.

Свиток невинно свернулся обратно.

Марго подумала, что, возможно, это первый в её жизни договор, который ведёт с ней переписку. И что ей, кажется, начинает нравиться с ним спорить. Это было плохим знаком. Такое случалось с ней только на по-настоящему сложных делах — тех, которые потом снились по ночам и которые она выигрывала с особенным, злым удовольствием.

И тут нитка дёрнула по-настоящему.

Это было похоже на то, как поднимается лифт, если в нём оборвался трос и он летит вверх, а не вниз. Пол ушёл из-под ног. Розовая комната сложилась — именно сложилась, как складывается веер, гармошкой, со всеми своими тюлями, облаками, тыквой и обиженным полотенцем под раковиной. Звёзды с потолка посыпались вниз, как конфетти. Где-то очень

далеко, на самом краю сознания, сухой голос сказал: «Постарайтесь хотя бы не упасть лицом в салат».

А потом мир развернулся обратно.

Но уже другим.

* * *

Марго не упала лицом в салат.

Она упала на стол. Точнее — материализовалась на нём, стоя, босыми ногами на белоснежной скатерти, между огромной вазой с грушами и серебряным кофейником, в ночной сорочке с четырьмя бантиками и с палочкой в руке.

Вокруг был завтрак.

Королевский завтрак — это Марго поняла сразу, по масштабу. Стол тянулся метров на двадцать в обе стороны, накрытый с такой пышностью, будто здесь собирались кормить не людей, а целую армию очень голодных и очень привередливых фей. Фарфор, расписанный незабудками. Серебро, начищенное до того, что в нём отражались облака за окном. Хрусталь. Пирамиды из фруктов, которые Марго видела только на картинах голландцев: виноград, персики, гранаты, что-то лиловое и пушистое, похожее на крошечных ёжиков. Пироги. Пирожные. Варенье в розетках. Масло в виде лебедей. Целый жареный павлин в перьях, смотревший на неё с подноса стеклянным глазом.

За столом сидели люди.

Человек сорок, не меньше. Дамы в пышных платьях с открытыми плечами и кавалеры в бархатных камзолах. Пожилые господа с орденами. Молодые девицы с жемчугом в волосах. Лакеи в ливреях стояли за спинками стульев, держа в руках подносы, кувшины и выражение полной невозмутимости.

Все смотрели на Марго.

Молча. С ложками, вилками и чашками, застывшими на полпути ко рту.

Зал, в котором всё это происходило, был светлым и огромным. Высокие окна от пола до потолка, за которыми виднелся сад. Белые стены, расписанные золотыми лилиями. Хрустальные люстры, похожие на перевёрнутые свадебные торты. На дальней стене — огромные часы в золочёном корпусе, с маятником размером с хорошее зеркало.

Марго медленно выпрямилась. Постаралась вспомнить, как стоят в суде, когда судья смотрит на тебя поверх очков, а за спиной шепчется зал. Подбородок вверх. Плечи назад. Лицо — нейтральное. Ни в коем случае не показывать, что только что твоя юбка зацепилась за кофейник.

— Доброе утро, — сказала она.

Голос прозвучал удивительно уверенно для женщины, стоящей на королевском столе босиком.

Сорок человек продолжали молчать.

Потом пожилой господин с самым большим орденом аккуратно положил вилку, промокнул губы салфеткой и произнёс тоном человека, которому сообщили, что за окном дождь:

— А. Крёстная.

И вернулся к своему омлету.

Это было как сигнал. Зал ожил. Застывшие ложки двинулись дальше, к ртам. Застывшие чашки — к блюдцам. Дамы зашелестели, кавалеры закашляли, лакеи, ни на секунду не изменившись в лице, бесшумно двинулись вдоль стола. Кто-то из девиц хихикнул в ладошку. Кто-то из старых дам громко прошептал соседке: «Боже, в чём это она?» Соседка прошептала в ответ: «Новенькая, наверное. У Бертильды хотя бы шляпка была».

Маленькая девочка лет шести, сидевшая между двумя пышными дамами и болтавшая ногами, громко спросила на весь зал:

— Мама, а почему у феи нет крыльев?

— Тише, Аделина, — шикнула мать.

— А почему у неё ноги грязные?

— Аделина!

— А правда, что если фее не хлопать, она умрёт?

— Это другая фея, — сказала Марго раньше, чем успела себя остановить. — Из другой сказки. И, между прочим, в той сказке ей хлопали, потому что она этого заслужила. А я пока ничего не заслужила. Так что можешь не хлопать.

Девочка посмотрела на неё с огромным уважением. Мать посмотрела на неё с огромным ужасом. Несколько кавалеров переглянулись. А старый господин с орденом, не поднимая головы от омлета, одобрительно хмыкнул:

— Остра. Это хорошо. Прошлая была слишком сладкая. Её на третьем деле съели.

— Кто съел? — спросила Марго.

— Обстоятельства, — неопределённо ответил старый господин и положил себе ещё омлета.

Никто не удивлялся. Вот что поразило Марго больше всего. Не люстры, не павлин, не масляные лебеди. А то, что сорок человек увидели женщину, которая материализовалась из воздуха посреди их завтрака, — и отнеслись к этому примерно так, как в её мире относятся к курьеру, позвонившему в дверь не в тот подъезд.

Крёстных здесь видели. Часто, судя по всему. Удивлялись только оборкам. Вернее — их недостатку: одна дама, проходя взглядом по Марго, отчётливо подсчитала банты и, кажется, осталась недовольна.

Лакей в ливрее цвета спелой сливы — высокий, седой, с лицом человека, который пережил трёх королей и не впечатлился ни одним, — подошёл к столу и подал Марго руку. Белую перчатку. С таким видом, будто помогать дамам спускаться со столов было его ежедневной обязанностью.

— Позвольте, мадам.

Марго позволила. Спускаться со стола в длинной сорочке, держась за руку лакея, оказалось не легче, чем вылезать из такси в узкой юбке. Но она справилась. На пол. На холодный мраморный пол, на котором её босые ноги смотрелись так неуместно, как кроссовки в опере.

— Благодарю, — сказала Марго. И, поскольку лакей не уходил, добавила, понизив голос: — Скажите, часто у вас такое?

— Какое, мадам?

— Женщины на столе.

Лакей обдумал вопрос с серьёзностью, достойной королевского совета.

— На моей памяти, мадам, — сказал он, — крёстная её высочества являлась трижды. Один раз в каминной трубе. Один раз в супнице. И один раз, — он едва заметно поморщился, — в тыкве, которая стояла посреди бальной залы и не проходила в двери. Её потом выносили через окно. Вы, мадам, по сравнению с этим — весьма аккуратны.

— Спасибо.

— Это не комплимент, мадам. Это наблюдение.

Марго посмотрела на него с внезапной симпатией. Лакей напоминал ей Геннадия Павловича. Те же сухие тёплые руки, тот же тон человека, который видел всё и не впечатлился ничем.

— Как вас зовут? — спросила она.

Лакей на секунду растерялся. Впервые за весь разговор. Будто за все годы службы никто ни разу не задавал ему этого вопроса.

— Бенедикт, мадам, — сказал он наконец. — Старший лакей. Сорок три года при дворе.

— Очень приятно, Бенедикт. Маргарита.

— Мадам угодно присесть? — осведомился лакей. Но голос у него, как показалось Марго, стал чуточку теплее.

— Мадам угодно понять, где она, — честно сказала Марго.

Лакей не моргнул.

— Королевский дворец Вельмонта, мадам. Утренний зал. Завтрак Её Величества королевы-матери. — Он чуть заметно наклонил голову в сторону дальнего конца стола. — Мадам вызвана Её Высочеством.

Марго посмотрела туда, куда он показывал.

Во главе стола, в высоком кресле с резной спинкой, похожем скорее на трон, сидела женщина. Немолодая — лет шестидесяти пяти, — но держалась она так прямо, будто вместо позвоночника у неё был стальной прут. Седые волосы уложены в высокую причёску, на которую ушло, по прикидкам Марго, не меньше двух часов и трёх горничных. Платье тёмно-лиловое, с высоким воротом, без единой лишней складки. Лицо — как у памятника. Не злое и не доброе. Просто гранитное. Такие лица Марго видела у судей с сорокалетним стажем и у главбухов крупных заводов.

Женщина смотрела на Марго. Не мигая.

От этого взгляда у Марго вдруг возникло неприятное ощущение, что её только что взвесили, измерили, оценили и признали негодной. И что женщина во главе стола уже точно знает, зачем её позвали.

Справа от неё стоял пустой стул. Дорогой, резной, с бархатной подушкой. За ним — лакей, державший поднос с нетронутым завтраком. Завтраком, который, судя по остывшему виду, ждал кого-то уже очень давно.

Слева сидела девушка.

* * *

Нет, не девушка. Молодая женщина. Лет тридцати, может, чуть меньше.

Она была красива той классической, правильной красотой, которую рисуют на коробках с конфетами и на обложках сказок для девочек. Золотые волосы, уложенные в гладкую причёску с жемчужной сеткой. Огромные голубые глаза. Тонкие черты. Нежная кожа, будто светящаяся изнутри. Голубое шёлковое платье с жемчужной вышивкой. Нитка жемчуга на шее. Жемчужные серьги. Даже на туфлях — Марго мельком увидела их под столом — жемчужные пряжки.

И осанка. Идеальная. Ровная, как натянутая струна, — такая, которую ставят с детства годами, привязывая к спинке стула. Руки сложены на коленях. Плечи развёрнуты. Подбородок под правильным углом.

Она была безупречна. Как картина. Как фарфоровая кукла в витрине. Как свадебная фотография.

И глаза у неё были как у человека, который давно не спит.

Марго узнала эти глаза мгновенно. Она видела их сотни раз — по другую сторону стола в переговорной. У женщин, которые приходили к ней в первый раз и долго молчали, прежде чем сказать главное. У женщин, которые по десять лет улыбались на семейных праздниках и однажды утром не смогли встать с кровати.

— Ваше Высочество, — сказал седой лакей, — крёстная прибыла.

Молодая женщина поднялась. Плавно, легко, без малейшего усилия, будто её подняла невидимая нитка. Присела в безупречном реверансе.

— Благодарю вас, что пришли, — сказала она. Голос был мелодичный, тихий, с правильными интонациями. — Я — Элла. Простите, что так рано. Я не знала, как это работает. Мне сказали… мне когда-то сказали, что если очень нужно, достаточно позвать.

Элла. Марго перебрала в памяти всё, что знала о сказках. Золотые волосы, жемчуг, принцесса. Элла. Как сокращение от…

— Синдерелла, — сказал за её спиной старый господин с орденом, не отрываясь от омлета. — Наша Золушка. Та самая. Как, вы не знали? Какой же вы крёстной будете, если не знаете?

— Я на испытательном сроке, — сказала Марго.

— А. Ну тогда ладно.

Элла покраснела — очень изящно, только кончиками ушей. Королева-мать во главе стола не шевельнулась. Только её взгляд чуть сузился, как сужается объектив, наводя резкость.

— Ваше Высочество желает, — произнесла королева голосом, в котором было столько льда, что им можно было охладить шампанское для всего зала, — побеседовать с крёстной наедине?

— Если позволите, матушка.

— Я позволяю, — сказала королева. Таким тоном, каким говорят: «Я запомню».

Элла снова присела в реверансе — перед королевой, потом перед залом, потом, к удивлению Марго, перед ней самой. Потом обогнула стол и, не глядя ни на кого, взяла Марго под руку.

— Позвольте показать вам оранжерею, — сказала она громко и светски. — У нас прекрасные розы.

И повела. Ровным, неторопливым, королевским шагом. Через весь зал, мимо сорока пар глаз, мимо павлина, мимо лакеев. Марго шла рядом, шлёпая босыми ногами по мрамору, в сорочке с четырьмя бантиками, и чувствовала себя примерно как свидетель, которого ведут через зал суда под конвоем.

Только на полпути она заметила, что рука Эллы, лежащая на её локте, дрожит.

Из утреннего зала они вышли в длинную галерею. Здесь было прохладнее и тише, шаги звучали гулко, а вдоль стен, в тяжёлых золочёных рамах, висели картины. Марго не сразу поняла, что все они изображают одно и то же.

Бал. Лестница. Хрустальная туфелька на ступеньке. Принц, стоящий на коленях с туфелькой в руках. Свадьба: белое платье, фата длиной метров в десять, голуби в небе. Снова свадьба: с другого ракурса. Свадебный пир. Свадебный танец. Королевская чета на балконе машет толпе.

Двадцать картин. Тридцать. Целая галерея одного и того же дня, написанного разными художниками, в разные годы, в разной манере. На некоторых Элла была совсем юной, почти девочкой, с румяными щеками и испуганно-счастливыми глазами. На последних — тех, что ближе к оранжерее, — она уже была такой, какой Марго видела её сейчас: безупречной и неподвижной.

— Это всё вы, — сказала Марго.

— Это всё я, — согласилась Элла, не поворачивая головы. — Каждый год в день свадьбы её величество заказывает новую картину. Чтобы помнили.

— Кто помнил?

— Все. — Элла чуть сжала её локоть. — Чтобы все помнили, как это было прекрасно. Народ любит эту сказку. Её рассказывают детям. Её играют в театрах. В прошлом году в столице поставили оперу. Там я пою арию на лестнице. Три минуты. Высокое «до». — Она помолчала. — Я не умею петь.

Марго посмотрела на последнюю картину. На ней Элла стояла на той самой лестнице, в том самом платье, с той самой улыбкой. И смотрела прямо на зрителя. И Марго вдруг показалось — может быть, от усталости, может быть, от цикория, которого она ещё не пила, — что нарисованная Элла хочет что-то сказать. Но не может, потому что её нарисовали с улыбкой.

Они прошли галерею молча. В конце, у стеклянных дверей оранжереи, висела единственная картина, не похожая на остальные. Маленькая, в простой деревянной раме, почти незаметная в тени колонны. На ней была изображена кухня. Очаг. Зола. Девочка в сером переднике, сидящая у очага на скамеечке и что-то шьющая. Без улыбки. Сосредоточенно. С высунутым от усердия кончиком языка.

Элла, проходя мимо, едва заметно замедлила шаг. Совсем чуть-чуть. Так замедляют шаг мимо дома, где жили в детстве.

Оранжерея оказалась за высокими стеклянными дверями в конце галереи. Огромная, светлая, влажная и тёплая, пахнущая землёй, листьями и чем-то сладким. Под стеклянным куполом росли пальмы, апельсиновые деревья с маленькими золотыми плодами, какие-то лианы с белыми колокольчиками цветов. И розы. Сотни роз. Белые, кремовые, нежно-розовые, алые, бордовые, почти чёрные. Они росли кустами, вились по аркам, свисали гирляндами с решёток.

Элла провела её в самую глубь, туда, где за густой стеной розовых кустов стояла маленькая каменная скамейка. Здесь было тихо. Только журчал где-то фонтан и жужжала одинокая пчела.

Элла остановилась. Отпустила локоть Марго. Посмотрела на розы.

Она не смотрела на Марго, когда заговорила. Смотрела на одну бледно-розовую розу перед собой, будто это ей она всё рассказывала.

— Мне сказали, что крёстные помогают, — тихо произнесла она. Совсем другим голосом, не тем, что в зале. Без мелодии. Без правильных интонаций. Усталым, надтреснутым, живым. — Что если очень нужно — придут. Моя крёстная, тётушка Бертильда, когда-то пришла. Ночью. В тыкве. — Она коротко, нервно усмехнулась. — Это было десять лет назад. Она тогда сказала мне: «Будь счастлива, деточка». И улетела. И я была. Я честно была.

Она замолчала. Пчела жужжала. Фонтан журчал.

— Ваше Высочество, — осторожно начала Марго.

— Элла. Пожалуйста. Просто Элла.

— Элла. Чем я могу вам помочь?

Элла повернулась к ней. В её огромных голубых глазах стояли слёзы, но она не плакала. Она держала их, как держат тяжёлый поднос: ровно, профессионально, не пролив ни капли.

— Я хочу развода, — прошептала Золушка.

* * *

Есть моменты, когда человек вдруг чувствует под ногами твёрдую почву. Даже если стоит босиком на мраморе в чужом мире, в чужой ночной сорочке, с чужой палочкой в руке.

Для Марго это был именно такой момент.

Всё остальное — облака, тыквы, кураторы, звёзды в кружках, павлины на подносах — было непонятным, пугающим и абсурдным. Но вот это — женщина с дрожащими руками и сухими глазами, которая шёпотом говорит «я хочу развода», — это было её. Это она знала. Это она умела лучше всех в городе. Это было, в конце концов, её работой девять лет.

Марго почувствовала, как плечи сами собой расправляются, а голос становится тем самым — ровным, спокойным, тёплым, каким она говорила с клиентками на первой встрече.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте присядем.

Они сели на каменную скамейку. Камень был тёплым от солнца, проходившего сквозь стеклянную крышу.

— Как давно вы об этом думаете? — спросила Марго.

— Не знаю. — Элла смотрела на свои руки, сложенные на коленях. — Может быть, год. Может быть, пять. Может быть… — она запнулась. — Может быть, с самого начала. Только тогда я не знала, что об этом можно думать.

— Ваш муж знает?

— Нет. — Тихо. — Его почти никогда нет. Он на охоте.

— Как часто?

— Всегда.

Марго мысленно поставила галочку. «Отсутствие супруга. Систематическое». В её мире это была классика.

— Есть дети?

Элла покачала головой.

— А королева… ваша свекровь?

Элла сжала губы. Совсем чуть-чуть. Но Марго заметила.

— Её Величество, — сказала Элла ровно, — очень заботится о моём воспитании.

Это прозвучало так, что Марго почувствовала, как у неё сжимаются кулаки. Она знала эту интонацию. Так клиентки говорили «у нас очень строгая семья» или «муж очень требовательный». Это была интонация, в которой правда лежала под тремя слоями вежливости, как горошина под перинами.

— Элла, — сказала Марго мягко. — Я хочу, чтобы вы знали одну вещь. Всё, что вы мне скажете, останется между нами. Я не расскажу ни королеве, ни мужу, ни Совету. Это называется…

Она хотела сказать «адвокатская тайна», но вспомнила Приложение девять и вовремя остановилась. «Адвокат», кажется, тоже было там, где-то между «алиментами» и «понедельником».

— Это называется тайна крёстной, — сказала она.

Элла посмотрела на неё. Впервые — прямо, в глаза. Долго. Будто проверяла, можно ли верить. А потом вдруг — Марго не ожидала — коротко, всхлипом, рассмеялась.

— У вас бантик съехал, — сказала она. — На плече.

Марго посмотрела. Четвёртый бантик, подарок палочки, сполз с плеча и висел на ниточке, как сломанное крыло.

— У меня сегодня тяжёлое утро, — призналась Марго.

— У меня тоже. — Элла протянула руку и аккуратно поправила бант. Пальцы у неё были тонкие, но не нежные. На подушечках Марго заметила крошечные мозоли. Не от вышивания. От чего-то другого. От иглы, но не той, которой вышивают, — от толстой, грубой, рабочей. — Десять лет уже тяжёлое.

Они посидели молча. Пчела нашла наконец свою розу и улетела.

— Нам надо возвращаться, — сказала Элла и встала. Её голос снова стал мелодичным. Её осанка снова стала идеальной. Слёзы ушли из глаз, как будто их и не было. Фарфоровая кукла вернулась в витрину. — Её Величество не любит, когда завтрак затягивается.

Марго поднялась следом.

Когда они вернулись в зал, завтрак уже подходил к концу. Лакеи убирали тарелки. Павлина унесли. Дамы обмахивались веерами. Королева-мать сидела всё так же неподвижно, во главе стола, и всё так же смотрела. Теперь — прямо на Марго.

Элла вернулась на своё место, слева от королевы. Справа по-прежнему стоял пустой стул.

Марго почувствовала, что ей необходимо что-нибудь выпить. Что угодно. Чтобы руки были заняты. Чтобы выиграть время. Чтобы проснуться. Прямо перед ней, на краю стола, стоял серебряный кофейник — тот самый, рядом с которым она приземлилась. Изящный, с длинным изогнутым носиком и крышкой в виде маленькой короны.

Кофейник.

Марго взяла чистую чашку с незабудками. Налила. Из носика полилась тёмная, горячая, ароматная жидкость. Тёмно-коричневая. Почти чёрная. Как надо.

Сердце Марго подпрыгнуло. Она поднесла чашку к губам, вдохнула пар…

И замерла.

Пахло не кофе. Пахло чем-то горьковатым, землистым, травяным. Знакомым. Смутно знакомым, из детства. Из бабушкиной кухни на даче, где на полке стояла жестяная банка с надписью…

Марго отпила глоток.

Это был цикорий.

Она смотрела в чашку с горем. Глубоким, искренним, неподдельным горем, которого она не испытывала даже тогда, когда Костя забирал свои вещи. Даже тогда, когда Сомовы

делили Бублика. Даже тогда, когда проиграла своё единственное за девять лет дело, о котором не любила вспоминать. Это было горе человека, которому на необитаемом острове показали самолёт — и самолёт оказался нарисованным.

— Кофе в Сказочных Королевствах не растёт, — сказал знакомый сухой голос у неё за спиной.

Марго не обернулась. Она и так знала, что это Элиан. Он появился бесшумно, как всегда — видимо, кураторы не приходили, а возникали, — и стоял за её плечом, и, судя по голосу, ему было ужасно весело.

— Я заметила, — сказала Марго в чашку.

— Цикорий растёт. Ромашка. Липа. Мята. Шиповник. Иван-чай, — перечислил Элиан с удовольствием. — Отличный выбор.

— Это не королевство, — сказала Марго. — Это ссылка.

— Вы повторяетесь, госпожа Ланская.

— Я не повторяюсь. Я настаиваю.

Она всё-таки отпила ещё глоток. Цикорий был горячим, горьким и бесконечно, издевательски не кофе. Но он был горячим, а это уже кое-что.

Во главе стола королева-мать медленно поднялась. Весь зал встал вместе с ней, с шорохом платьев и скрипом стульев. Королева не смотрела на зал. Она смотрела на Марго. Долго. Пристально. С выражением, которое Марго очень хорошо знала по переговорам: так смотрит противоположная сторона, когда уже видела все твои козыри и приготовила свои.

Потом королева перевела взгляд на Эллу. На одно мгновение. И Элла — безупречная, фарфоровая, сияющая — едва заметно вздрогнула.

«Она знает, — подумала Марго, глядя королеве вслед. — Она знает, зачем меня позвали».

Королева вышла. Зал выдохнул.

Придворные начали расходиться: дамы — шелестя юбками, кавалеры — звякая шпорами, лакеи — бесшумно, как тени. Элла, проходя мимо, коротко, едва заметно коснулась пальцами руки Марго. Будто проверяла, что та настоящая. И ушла вслед за свекровью, не оглядываясь.

Марго осталась у стола с чашкой цикория в руках. Элиан стоял рядом.

— Ну что, — сказал он, глядя куда-то в окно, — первое впечатление?

— Женщина в депрессии, — сказала Марго, не задумываясь. — Хроническое отсутствие мужа. Свекровь, которая контролирует каждый шаг. Тридцать картин одного и того же дня на стенах. И мозоли на пальцах, которых не должно быть у принцессы.

Элиан чуть повернул голову. В серебряных глазах мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Мозоли?

— От иглы. Толстой. Рабочей. — Марго поставила чашку на блюдце. — Она что-то шьёт. Тайком. И это не вышивка.

Элиан помолчал.

— Вы наблюдательны, — сказал он наконец. Таким тоном, каким признают, что погода сегодня, к сожалению, хорошая.

— Это моя работа.

— Ваша работа теперь — сделать её счастливой. А не составить на неё досье.

— Одно другому не мешает, — отрезала Марго. — Нельзя сделать человека счастливым, если не знаешь, что делает его несчастным. Где я буду жить?

Вопрос, кажется, застал его врасплох.

— Простите?

— Я спрашиваю, где я буду жить, пока веду это дело. Я не собираюсь каждый раз прыгать сюда из розовой комнаты на облаке. Мне нужно быть рядом с клиенткой. С подопечной, — поправилась она, вспомнив Приложение девять.

— Крёстным на время дела предоставляются гостевые покои при подопечной, — медленно сказал Элиан. — Это есть в Уставе. Раздел одиннадцатый.

— Отлично. Значит, я здесь. — Марго огляделась. — А вы?

— Я — там, где мне нужно быть, — сказал он и, как показалось Марго, впервые за утро отвёл глаза.

А огромные золочёные часы на дальней стене вдруг пробили — громко, раскатисто, на весь зал. Марго машинально посмотрела на циферблат. Девять утра.

Только вот, по её внутренним часам, после того как она очутилась в этом зале, прошло от силы сорок минут, и было не больше половины восьмого.

Часы, кажется, спешили.

Глава 4. Сбор доказательств

§ 9. Крёстная не вмешивается в дела королевской семьи без крайней нужды. Пометка на полях: «Определение "крайней нужды" отсутствует. Прекрасно».

* * *

Гостевые покои для крёстных во дворце Вельмонта находились в Восточной башне, на самом верху, и к ним вела винтовая лестница в сто сорок две ступеньки. Марго сосчитала. Она всегда считала ступеньки, когда нервничала, — привычка ещё со студенчества, когда она поднималась на шестой этаж юрфака к самому страшному профессору гражданского права.

Покои были, разумеется, розовые.

Не такие розовые, как комната на облаке, — здесь розовый был приглушённым, пыльным, старинным, будто его когда-то выбрали со вкусом, а потом сто лет не меняли. Шёлковые обои с выцветшими букетами. Кровать с балдахином. Камин, в котором лежали аккуратно сложенные поленья. Окно с видом на сад и на часовую башню. Над камином висел портрет полной пожилой дамы в огромной шляпе с перьями и с трубкой в руке. Дама на портрете подмигивала. Марго смотрела на неё минуту, пытаясь понять, не показалось ли, — и дама подмигнула снова.

— Мне определённо нужно поспать, — сказала Марго портрету.

Дама на портрете выпустила изо рта нарисованное колечко дыма.

На кровати лежала одежда. Не розовая. Синяя. Простое платье из плотной тёмно-синей ткани, с длинными рукавами, высоким воротом и — Марго пересчитала — ровно тремя маленькими бантиками у ворота, такими крошечными, что их едва было видно. Рядом лежали туфли без каблука, мягкие, удобные, и тёплая шаль.

К платью была приколота записка. Тот же размашистый почерк, что и в шкафу:

«Деточка, в сорочке по дворцу не ходят, это неприлично даже для крёстной. Платье по Уставу — три банта, я проверила. Синее, потому что розовое тебе не идёт. Б.»

Марго посмотрела на портрет над камином. Дама с трубкой смотрела в сторону и делала вид, что ни при чём.

Одеваться в синее платье оказалось почти так же сложно, как в абрикосовое: крючков было всего двенадцать, но все они располагались ровно там, куда не дотягивается человеческая рука. Марго промучилась минут десять, вывернув плечо под углом, на который не рассчитывала даже на йоге, и в конце концов сдалась.

— Ну хорошо, — сказала она палочке. — Застегни. Только застегни. Крючки. Двенадцать штук. Ничего не превращай, ничего не добавляй, ничего не убирай. Просто застегни крючки на спине этого платья, которое сейчас на мне.

Это была самая подробная формулировка, которую она когда-либо произносила вне зала суда. Палочка выслушала её, кажется, с огромным уважением. Искра мигнула один раз, коротко и деловито. По спине пробежал лёгкий холодок, как от сквозняка, — и двенадцать крючков защёлкнулись один за другим, с тихим аккуратным звуком, как пуговицы на перчатке.

Марго покрутилась перед зеркалом. Платье сидело идеально. Ни одного лишнего банта. Ни одной тыквы.

— Вот, — сказала она палочке. — Можешь, когда хочешь.

Палочка засветилась так ярко и радостно, что на секунду осветила всю комнату. Дама с трубкой на портрете одобрительно кивнула.

В дверь постучали. На пороге стоял Бенедикт, старший лакей, с подносом, на котором дымился чайник.

— Её высочество просит позволения навестить вас, мадам, — сказал он. — Я взял на себя смелость принести цикорий. Мне показалось, утром он произвёл на вас… впечатление.

— Неизгладимое, — подтвердила Марго. — Спасибо, Бенедикт.

Лакей поставил поднос, выпрямился и, уже повернувшись к двери, вдруг задержался.

— Мадам, — сказал он, не глядя на неё. — Позволите сказать одну вещь? Неофициально.

— Пожалуйста.

— Его высочество принц Эдмунд, — медленно произнёс Бенедикт, — в детстве очень любил бывать в мастерской дворцового столяра. Целыми днями. Его оттуда силой забирали на уроки фехтования. — Он помолчал. — Столяр умер восемь лет назад. Мастерская закрыта. Ключ от неё, по странному совпадению, пропал в тот же год.

И вышел, бесшумно прикрыв дверь, прежде чем Марго успела спросить, зачем он это рассказал.

Она записала. Сразу, на обороте записки Б., за неимением другой бумаги: «Принц. Столяр. Мастерская. Ключ пропал». И подумала, что во дворце Вельмонта, кажется, все слуги — лучшие свидетели, чем господа.

Через полчаса Марго, одетая, причёсанная и впервые за сутки похожая на человека, сидела в маленькой гостиной на втором этаже. Напротив неё в кресле сидела Элла. Между ними стоял чайный столик с чайником цикория — Марго смирилась — и вазочкой печенья.

Элла пришла сама. Тихо постучала, тихо вошла, тихо села. Без фрейлин, без лакеев, без свекрови. На ней было то же голубое платье с жемчугом, но волосы она распустила, и от этого казалась моложе и беззащитнее.

— Вы сказали, что поможете, — сказала она. — Я не знаю, как это делается. С чего начинают крёстные?

Марго подумала, что понятия не имеет, с чего начинают крёстные. Но очень хорошо знает, с чего начинают адвокаты.

— С фактов, — сказала она. — Мне нужно знать всё. С самого начала. Я буду задавать вопросы, вы отвечайте честно. Даже если ответ кажется глупым, неважным или стыдным. Хорошо?

Элла кивнула.

Марго огляделась в поисках блокнота. Блокнота не было. Ручки не было. Была палочка, которую она, повинуясь странному чувству, захватила с собой и сунула в карман синего платья. Карман, как и в сорочке, нашёлся сам.

— Блокнот, — сказала Марго палочке шёпотом, отвернувшись от Эллы. — Обычный. Для записей. Пожалуйста. И ручку.

Палочка подумала. Искра мигнула.

На колени Марго упал блокнот. Толстый, в кожаном переплёте, с золотым обрезом. Круглый. Абсолютно круглый, как тарелка. Оранжевый. С зелёным хвостиком на корешке, закрученным спиралью. Ручка, приложенная к нему, была в форме тыквенного семечка.

Элла, увидев это, прикрыла рот ладонью.

— Она нервничает, — объяснила Марго, раскрывая блокнот. Страницы внутри, к счастью, были обычными. Белыми, линованными. Только на каждой в углу была крошечная тыковка. — Мы с ней ещё притираемся.

— У тётушки Бертильды палочка превращала всё в мышей, — сказала Элла. — Когда она волновалась. Мыши были везде. Даже в каретах.

— Это утешает, — сказала Марго. — Начнём?

Она начала.

Это было то, что она умела лучше всего. Не ораторство, не блестящие речи в суде, хотя и это тоже. А вот это — первая встреча. Терпеливые, спокойные, точные вопросы, после которых у клиентки складывалась картинка, которой она сама никогда раньше не видела. Как вы познакомились. Когда поженились. Как жили первый год. Когда стало плохо. Как это проявлялось. Кто ещё в доме. С кем вы можете поговорить. Чего вы боитесь.

Элла отвечала. Правильно, гладко, будто читала с листа. Познакомились на балу. Поженились через месяц. Первый год был прекрасен. Потом принц стал часто уезжать на охоту. Королева-мать взяла на себя заботы о её воспитании. Она, Элла, очень благодарна. Жизнь во дворце — это честь. Она счастлива быть принцессой Вельмонта. Просто она устала. Просто ей хочется… другого.

— Чего именно? — спросила Марго.

Элла замолчала. Впервые за полчаса.

— Не знаю, — сказала она. — Свободы, наверное. Не быть его женой.

Марго записала: «Хочет свободы». Подчеркнула. И рядом, на полях, мелко, для себя: «Слишком гладко».

Это было главное, что она поняла за эти полчаса. Элла отвечала как на экзамене. Как отвечают люди, которые много раз повторяли про себя одну и ту же историю, пока она не стала совсем гладкой, обкатанной, как морская галька. Без острых углов. Без живых деталей. Без того, за что можно зацепиться.

В такой гальке всегда что-то было спрятано. Марго это знала. Нужно было только найти, где у камня трещина.

* * *

Трещина нашлась на вопросе о муже.

— Вы сказали, что принц часто на охоте, — сказала Марго, листая круглый блокнот. — Как часто?

— Всегда.

— Хорошо. А если в цифрах? Сколько дней в году?

Элла задумалась. Посчитала на пальцах — тоже правильно, изящно, загибая один за другим.

— Дней триста, — сказала она. — Может быть, триста двадцать. Он возвращается на праздники. На большие приёмы. На день свадьбы. — Она чуть поморщилась. — На день свадьбы обязательно. Его величество… то есть её величество… настаивает.

— Триста дней, — повторила Марго. И записала. И посмотрела на цифру.

Что-то в ней было не так. Профессиональное чутьё, которое девять лет помогало Марго находить спрятанные счета, подставные фирмы и тайных любовниц, вдруг тихо, но настойчиво зазвенело, как будильник под подушкой.

— Он хороший охотник? — спросила она.

— Говорят, лучший в королевстве.

— А что он привозит?

Элла непонимающе подняла брови.

— С охоты, — пояснила Марго. — Оленей? Кабанов? Фазанов? Вот сегодня на завтраке был павлин. Это он его подстрелил?

— Павлинов не стреляют, — сказала Элла. — Их разводят в саду. Это… — Она запнулась. На её гладком фарфоровом лице впервые мелькнула тень растерянности. — Это странно. Я никогда не думала. Он ничего не привозит.

— Ничего?

— Ничего. Ни разу. — Элла медленно покачала головой. — За десять лет. Во дворце никогда не подают дичь с его охоты. Её величество говорит, он раздаёт её крестьянам. Из милосердия.

Марго отложила ручку-семечко.

Триста дней охоты в году. Десять лет. Лучший охотник королевства. И ни одной утки на королевском столе. Это было, как сказал бы Геннадий Павлович, «интересное обстоятельство, требующее дополнительного изучения».

Она записала в блокноте большими буквами: «ГДЕ ДИЧЬ?» И обвела три раза.

— Элла, — сказала она. — Вы когда-нибудь ездили с ним?

— Принцессы не ездят на охоту.

— А хотели бы?

Элла посмотрела в окно. Долго. Там, за садом, за часовой башней, за белыми крышами столицы, темнел на горизонте лес. Огромный, синий, бесконечный.

— Однажды, — сказала она тихо, — в первый год, я попросилась поехать с ним. Он посмотрел на меня так… — Она замолчала, подбирая слово. — Так, будто я попросилась к нему в спальню, когда он переодевается. Испуганно. И сказал: «Это не для тебя». И уехал. На месяц.

Голос у неё дрогнул. Совсем чуть-чуть. Это было первое за весь разговор, что прозвучало не как с листа.

Марго подалась вперёд.

— А когда он возвращается, — осторожно спросила она, — какой он?

— Вежливый, — сказала Элла. — Всегда очень вежливый. Целует руку. Спрашивает, как я поживаю. Говорит, что я прекрасно выгляжу. Улыбается на балу. Машет с балкона. Делает всё, что положено. — Она сжала пальцы на коленях. — И смотрит сквозь меня. Будто я картина в галерее. Ещё одна.

Марго записала: «Вежлив. Смотрит сквозь». И рядом: «Как и она».

Она подняла глаза от блокнота и долго смотрела на Эллу. На идеальную осанку. На жемчуг. На сложенные руки с крошечными мозолями. И думала о том, как часто ей приходилось видеть это в переговорной. Два человека, которые много лет смотрят друг сквозь друга. И каждый уверен, что это другой первым начал.

— Последний вопрос на сегодня, — сказала она. — Вы его любите?

Элла вздрогнула. Будто её ударили. Или, наоборот, будто её давно никто не трогал, и вдруг коснулись.

— Я не знаю, — сказала она. И это, Марго была уверена, была первая за весь день абсолютная правда. — Я его не знаю. Мы танцевали один вечер. Потом он искал меня по туфельке. Потом была свадьба. А потом он уехал на охоту. Я десять лет замужем за человеком, с которым танцевала один вечер.

Она встала. Резко, впервые не изящно.

— Простите. Мне нужно идти. Её величество ждёт меня к обеду.

И вышла, не дожидаясь ответа.

Марго долго сидела над круглым блокнотом. Потом взяла ручку и на самом верху страницы, над всеми записями, написала: «Дело: Золушка. Предварительный вывод: развод — не то, что ей нужно. Но что ей нужно — она пока не знает. И он, кажется, тоже».

Помедлила. И добавила внизу: «И где, чёрт возьми, дичь?»

Вопрос не давал ей покоя весь оставшийся день. В конце концов, около четырёх часов, Марго сделала то, что сделала бы в своём мире: пошла искать документы.

Дворцовая библиотека нашлась в северном крыле — три этажа книжных шкафов под стеклянным куполом, винтовые лесенки, запах пыли и кожи. Библиотекарь, крошечный старичок в очках с такими толстыми стёклами, что глаза за ними казались двумя огромными плавающими сливами, долго не мог понять, чего она хочет.

— Охотничьи книги? — переспросил он наконец. — Королевские охотничьи журналы? Зачем крёстной охотничьи журналы?

— Для дела, — сказала Марго. — Каждая королевская охота записывается? Кто, когда, сколько добыли?

— Разумеется! — оскорбился старичок. — Мы же не варвары! Королевская охота Вельмонта записывается с основания династии! Каждый выезд! Каждая добыча! Каждое ранение гончей!

Он полез куда-то под самый купол, долго гремел там лестницей и наконец спустился, обнимая три толстых тома в зелёной коже с золотым тиснением. «Журнал королевской охоты. Его высочество принц Эдмунд». Тома за последние десять лет.

Марго открыла первый.

Почерк был ровный, аккуратный, мужской. Записи шли одна за другой, по дням, как в бухгалтерской книге.

«Третье мая. Выезд в Дальний лес. Один. Добычи нет».

«Четвёртое мая. Дальний лес. Один. Добычи нет».

«Пятое мая. Дальний лес. Один. Добычи нет».

Марго перевернула страницу. Ещё одну. Ещё. Десять страниц. Двадцать. Сто.

«Дальний лес. Один. Добычи нет». «Дальний лес. Один. Добычи нет». «Дальний лес. Один. Добычи нет».

Три тысячи дней. Три тысячи одинаковых строк. Лучший охотник королевства за десять лет не добыл ни одной утки, ни одного зайца, ни одного воробья. И честно, с королевской педантичностью, записывал это каждый вечер.

Но не это было главным.

Главным были поля.

На полях журнала, рядом с каждой унылой строкой, были нарисованы птицы. Маленькие, сделанные несколькими быстрыми штрихами пера. Синица. Дрозд. Сойка с хохолком. Снегирь. Ласточка. Птицы сидели на ветках, летели, чистили перья, спали, нахохлившись. Их были тысячи. Почти на каждой странице. Живые, смешные, удивительно точные, нарисованные рукой человека, который явно знал, как устроено птичье крыло.

И чем дальше Марго листала, тем больше в этих птицах было одного и того же. Не сразу. Постепенно, от тома к тому. Изгиб шеи. Наклон головы. Что-то в посадке, в повороте, в том, как птица смотрела вдаль, — что-то знакомое.

На последней странице третьего тома была нарисована только одна птица. Крупнее остальных. Тщательнее. Белая голубка, сидящая на краю каменной лестницы и смотрящая через плечо. И под ней, мелко, едва различимо, было написано одно слово.

Не «добычи нет».

«Прости».

Марго закрыла журнал. Посидела. Потом поднялась, вернула тома старичку-библиотекарю, который смотрел на неё сквозь свои сливы с жгучим любопытством, и пошла к себе. Медленно. Думая.

Голубка на лестнице. Через плечо. Это была Элла. Та самая Элла с последней картины в галерее, на той самой лестнице, с той самой улыбкой.

Принц, который не охотится, рисовал в охотничьем журнале свою жену. Три тысячи раз. И ни разу ей этого не показал.

* * *

Обед подавали в Малой столовой, которая была малой только по сравнению с Утренним залом. За столом сидели человек двадцать. Королева-мать — во главе. Элла — слева от неё. Пустой стул принца — справа. Марго посадили где-то в середине, между пожилой фрейлиной, глухой на одно ухо, и молодым капитаном гвардии, который всё время краснел.

Это был, как поняла Марго очень скоро, не обед. Это был спектакль. И главной героиней в нём была Элла, а главной зрительницей и режиссёром — королева.

— Элла, дорогая, — произнесла королева, когда подали суп. Голос был мягким, бархатным и холодным, как сталь в бархатных ножнах. — Ложка.

Элла, которая только что поднесла ложку ко рту, замерла.

— Ты держишь её слишком высоко. Принцесса держит ложку за последнюю треть. Не за середину.

Элла молча переложила ложку в пальцах. Ниже. На последнюю треть.

— Лучше, — сказала королева.

Подали рыбу.

— Элла, дорогая. Нож для рыбы держат иначе. Ты держишь его как кухарка.

Элла переложила нож.

— Лучше.

Подали жаркое.

— Элла, дорогая. Не наклоняй голову. Голова принцессы наклоняется к тарелке не более чем на пятнадцать градусов.

Элла подняла голову. Пятнадцать градусов. Ровно. Марго готова была поклясться, что она измерила.

— Элла, дорогая. Улыбка.

Элла улыбнулась.

— Не так. Это улыбка горничной. Принцесса улыбается одними губами. Глаза остаются спокойными.

Элла улыбнулась одними губами. Глаза остались спокойными. Нет — пустыми.

Марго сидела, вцепившись в собственную вилку, и чувствовала, как в ней медленно, градус за градусом, закипает что-то горячее и опасное. Она знала это чувство. Оно появлялось у неё на заседаниях, когда противоположная сторона начинала давить на её клиентку. Когда муж, сидя напротив жены, начинал перечислять её ошибки ровным, спокойным, «разумным» голосом. Когда свекровь, приведённая в качестве свидетеля, рассказывала суду, как неправильно невестка варила борщ.

Марго ненавидела это больше всего на свете. Больше лжи. Больше жадности. Больше даже фикусов. Вот эту тихую, вежливую, методичную, ежедневную работу по стиранию человека.

Ей ужасно хотелось встать и сказать. Что-нибудь. Что-нибудь очень резкое, очень юридическое, со ссылками на статьи, которых в этом мире не существовало.

Она сдержалась. Это был её первый день. У неё не было фактов. Не было позиции. Не было даже кофе. Выступать без подготовки было глупо, а Марго Ланская никогда не делала глупостей в суде.

Но палочка в её кармане не была адвокатом. И не умела сдерживаться.

— Элла, дорогая, — сказала королева, когда подали десерт. — Вилка для торта держится…

Карман Марго дёрнулся. Палочка внутри него задрожала, как пёс, который рвётся с поводка. Марго в ужасе прижала её ладонью — но было поздно. Из кармана вылетела одна-единственная оранжевая искорка. Крошечная. Почти незаметная. Она пролетела над столом, мимо глухой фрейлины, мимо краснеющего капитана, мимо ваз и канделябров — и аккуратно, точно, будто кто-то прицелился, приземлилась на серебряный соусник у локтя королевы.

Соусник хлопнул.

И стал тыквой.

Маленькой. Аккуратной. Ярко-оранжевой. С хвостиком. Соус, который был в соуснике, — густой, ванильный, предназначенный для торта, — теперь медленно стекал по её глянцевым бокам на белую скатерть, прямо на рукав королевского платья.

За столом стало тихо. Мертвенно тихо. Капитан гвардии перестал краснеть и побелел. Глухая фрейлина, которая ничего не слышала, но всё видела, издала тихий писк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.